

Александр Зорич

У солдата есть невеста (сборник)

«Автор»

2009

Зорич А.

У солдата есть невеста (сборник) / А. Зорич — «Автор», 2009

В новый сборник известного писателя–фантаста Александра Зорича вошли рассказы и повести последних лет. Некоторые из них увлекают читателя в вымышленные миры, некоторые же, напротив, по-новому преломляют реалии мира нашего. Объединяет их одно: увлекательный сюжет, запоминающиеся герои и блистательное остроумие автора.

© Зорич А., 2009

© Автор, 2009

Содержание

От автора	5
Броненосец инженера Песа	6
От автора	35
Дети Онегина и Татьяны	36
Новелла первая	36
Новелла вторая	47
Новелла третья	56
От автора	64
Превращения	65
Новелла первая. Туда	65
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Александр Зорич

У СОЛДАТА ЕСТЬ НЕВЕСТА

(авторский сборник фантастических повестей и рассказов)

От автора

Должен признаться, мне по-прежнему люб и дорог один немодный в наши виртуально-гламурные дни писатель – Жюль Верн. Позитивный настрой его лучших романов, степенные речи инженеров-эрудитов, беготня муфлонов и свиной-окапи по таинственному острову, стремительный подводный лёт «Наутилуса», величественное парение летательных аппаратов легче воздуха – воспоминания об этих жюльверновских образах нет-нет да и заставят меня расплыться в блаженной ностальгической улыбке.

Кажется, что в наши дни каноны искушенной космической фантастики плохо согласуются с наивным обаянием Верна. Например, литературный мир моего цикла «Завтра война» напитан державным духом могущественных галактических империй (среди которых Россия – первейшая), он кипит громами небесных сражений и, на первый взгляд, ему во всем чуждо хлопотливое добродушие вегетарианского XIX века. Однако, я беру на себя смелость утверждать, что моя новая повесть «Броненосец инженера Песа», побегом вырастающая из цикла «Завтра война», – родом с «Таинственного острова» Жюль Верна. Эта повесть напоминает фирменный провансальский рататуй. Приготовлена она, впрочем, из новомодного синтетического баклажана с добавлением современных космических специй, а потому, хочу верить, придется по вкусу не только жюльвернофилам, но и гурманам, знающим толк во внеземных одиссеях.

Броненосец инженера Песа

Октябрь 2621 г.

Фелиция, система Львиного Зева

«Дюрандаль» падал. Инженер Станислав Пес инстинктивно зажмурился.

Внутри, вокруг пупка, как будто что-то призрачное пенилось, закипало, росло, в висках пульсировала кровь – перегрузки. Он в бешенстве стиснул зубы – как невыносимо это: быть одновременно и беспомощным, и бесполезным.

Истребитель пилотировал его коллега Роланд Эстерсон. Пилотировал так себе, чтобы не сказать отвратительно. Он, Пес, сделал бы это куда лучше. Но роль, которую он вызвался играть, подразумевала только такой расклад. Эстерсон – главный, Пес – ведомый.

– До земли уже близко? – спросил Пес у Эстерсона.

Сам-то он знать этого никак не мог, поскольку лежал в узком, глухом лазе между воздушным шлюзом и аварийным люком пилотской кабины.

Места получше на тесном истребителе не нашлось.

Эстерсон ответил нечто маловнятное. Пес подозревал, его товарищ совсем растерялся.

– Эй, Роланд, что-то вы раскисли! Ну-ка! Не вешать носа! Вы же создатель этой машины! Вас-то она должна слушаться! – сказал Пес, стараясь, чтобы эти слова прозвучали как можно бодрее.

– Разве что мистическим образом... Пожелайте мне удачи, пан Станислав.

– Удачи, ясновельможный пан Роланд!

После этого Эстерсон выключил связь и, как понял Пес, вообще снял наушники, чтобы не мешали. Любитель отличается от профессионала в частности тем, что ему всё, буквально всё мешает...

«Дюрандаль» подвывал и постанывал.

Эстерсон постоянно менял тягу – Пес слышал это, – нащупывая оптимальный режим снижения.

Какофоническая распевка двигателей длилась и длилась. В известном смысле это радовало Песа, поскольку означало, что до сего момента Эстерсон не вогнал истребитель в землю.

Вдруг истребитель подскочил, будто на ухабе.

«Вышли шасси», – безошибочно определил инженер.

Следующего толчка – первого касания тверди – Пес прождал довольно долго. Он уже решил было, что Эстерсон струсил, отказался от посадки – как вдруг «Дюрандаль» бухнулся на все три точки, из-за этой ошибки едва не скапотировал, подпрыгнул вверх, «скозлил», и снова коснулся земли, но на этот раз уже правильно, двумя точками, с малым положительным тангажом.

«Идиот... Сажал бы уже на воду...» – отстраненно подумал Пес.

Но на самом деле злиться на конструктора Эстерсона было не за что. По крайней мере, «Дюрандаль» пока не разлетелся на винтики.

Но и радоваться было рановато.

Со слюдяным хрустом оторвалась крыльевая стойка шасси.

Истребитель припал на правое крыло, как калека на костыль, машину закрутило и Пес, не сумев компенсировать центробежную силу мускулами, больно ударился затылком о титановую обшивку стыковочного лаза. Из глаз инженера посыпались искры.

Там, где лаз кончался, упираясь в пилотскую кабину, раздался громкий хлопок – это катапультировался Эстерсон. Однако в ту секунду пан Станислав был не в состоянии делать столь проницательные заключения.

Он приготовился к смерти, он ждал взрыва.

Но «Дюрандаль» был сработан крепко.

С визгом и скрежетом машина неслась невесть куда.

Вдруг тряска, которую сообщали всему телу истребителя неровности импровизированной взлетно-посадочной полосы, прекратилась. Пес с удивлением понял, что машина вновь куда-то летит.

– Эстерсон, что там, ради всего святого?! – в отчаянии выкрикнул Пес.

Ему не ответили. Отвечать было некому.

Полет оборвался резким ударом.

«Плашмя о воду», – уточнил для себя Пес, когда по обшивке истребителя забарабанили тяжелые водопады.

«Сейчас начнет тонуть...»

Шансы на спасение зависели от того, насколько быстро он отдраит аварийный люк. Оттуда, из пилотской кабины, уже можно будет покинуть аппарат, открыв фонарь из бронестекла.

Пес встал на четвереньки и что было прыти пополз вперед, в сторону кабины.

В стыковочном лазе царила непроницаемая темнота.

«Недоработало бюро Эстерсона! Поленился какой-то молодой олух нарисовать на чертеже ровно две лишние лампочки... Сам-то Эстерсон давно о таких мелочах не думает, генеральный конструктор как-никак...»

Найти задрайки люка на ощупь оказалось отнюдь не плевым делом. Но Пес, конечно, нашел.

Одна подалась легко.

Другая отчего-то заупрямилась.

Внезапно, подтверждая худшие опасения Песа, «Дюрандаль» провалился в бездну кормой вперед. При этом инженера отшвырнуло назад от люка и припечатало к противоположному концу лаза, где был шлюзовой отсек.

На несколько секунд инженером овладела паника. Он выкрикивал имя Эстерсона, умолял о спасении.

Но вдруг эмоции схлынули, к Песу вернулось самообладание.

Он вытер кровь, которая хлестала из носа, тыльной стороной ладони, густо поросшей седыми волосками, и вновь пополз к спасительному люку.

Чертова задрайка!

Он исцарапал себе все пальцы, пытаясь с ней сладить. Пот заливал глаза.

Вдруг инженер спохватился. У него же есть «Кольт Мк600»! Как он мог забыть об этом увесистом оружии убийства?

Извиваясь ужом, он вытянул револьвер из глубокого кармана брюк, в котором ствол успел проделать широкую прореху.

Перехватив револьвер за ствол, инженер нанес вслепую несколько сильных ударов рукоятью, надеясь попасть по задрайке.

Нутро «Дюрандаля» отзывалось глухим колокольным гулом.

Пес подергал задрайку.

«Не поддается, дрянь!»

Тем временем машина вела себя престранно.

«Дюрандаль» выровнялся. И, вместо того чтобы лечь на дно, продолжал нестись сквозь толщу воды, причем – хвостом вперед.

«Неужели здесь настолько сильное течение?» – недоумевал Пес.

Разум нашептывал ему, что никакое течение не сможет волоочь тяжеленный истребитель с такой силой. Но в те секунды ему было не до загадок природы.

Он перехватил ствол «Кольта» двумя руками и вновь принялся буйнить. Отчаяние придавало ему сил. Он яростно сквернословил, брызгал бешеной слюной во тьму. И хотя мышцы нестерпимо ныли от перенапряжения, попыток не прекращал.

«Клац!» – сказала задрайка едва слышно.

Но Пес ее услышал.

Рывок – и в следующий же миг подавшийся на полмизинца люк был распахнут тысячетонным водяным молотом.

Весь воздух из кессонного лаза выстрелило наружу, как из пушки.

Песа вынесло вместе с огромным пузырем.

Он промчался через пустую кабину, успев в неярком свете всё еще живой приборной доски заметить отсутствие пилотского кресла и Эстерсона. Затем стихия вынудила его сделать кувырок через голову и повесила на острый крюк, который образовал лоскут разорванной обшивки.

Пес рванулся, да так рьяно, что оставил «Дюрандалю» ворот своего синего свитера. Едва зачуйв свободу, он энергично заработал руками, стремясь побыстрее вознестись к призрачному мерцанию над головой.

Там светили крупная жемчужина-луна и шаровое скопление Тремезианский Лев. Они звали Песа к себе и он поднимался на этот зов наперекор туманящей мозг боли.

Ночь была влажной, пахучей и крепкой, как «Выборова». Пес покачивался на волнах, обстоятельно вращая плешивой головой.

За те минуты, что прошли после всплытия, он успел отплеваться, отдышаться и вновь уверовать в ангелов-хранителей. У инженера шла носом кровь, но он не замечал этого.

Итак, он находился в виду берега – далекого, лесистого и совершенно инопланетного.

Добро пожаловать, пан Пес! Планета Фелиция, система звезды Львиный Зев. Крошечный перед лицом всеобъемлющей космической пустоты землеподобный шарик, населенный сирхами – разумными котами-хамелеонами.

Почти строго на западе, над самой водой, светил одинокий маслянисто-желтый огонек. Расстояние, которое отделяло огонек от Песа, было довольно значительным, и потому он никак не мог определить, что же видит – пламя костра, разожженного сирхами, или же свет электрической лампы, размытый дрожащим воздухом. Песу очень хотелось рассчитывать на второе при условии, что лампу держит в своих руках его коллега Эстерсон. Встреча же с прочими сапиенсами не входила в планы инженера, причем сразу по многим причинам. Впрочем, доплыть до огонька Пес в любом случае не рассчитывал – слишком далеко.

Южнее и значительно ближе серебрилась полоса прибоя, над которой ясно различалась черная зубчатая стена. Как видно, это был один из барьерных рифов, которыми изобилуют нескучные моря Фелиции.

В других сторонах ничего интересного, кроме влажного бархата ночи, видно не было.

Пес кролем поплыл в сторону рифа.

Океан ярко флюоресцировал и инженеру начало казаться, что его ладони загибают смешанный с черными чернилами золотой песок. Зачарованный феерией, он не заметил, что его уже некоторое время сопровождают несколько гуттаперчевых мраморно-желтых змей, каждая толщиной с питона. Змеи эти шли совсем неглубоко, в метре от поверхности.

Если бы в тот миг он обернулся назад, то рисковал бы умереть от разрыва сердца, ибо зрелище к тому склоняло: светящееся колесо диаметром в двадцать метров, переплетенное сетью красных прожилок и иллюминированное пунктирными линиями голубых огоньков, неслышно скользило вслед за ним. А желтые с продольной золотой сыпью змеи – они были спицами этого колеса, и в то же время, выходя за его пределы на десять метров каждая, придавали существу

отдаленное сходство с морской звездой-офиурой, обитательницей тропических вод далекой планеты Земля.

Последующее произошло так быстро, что испугаться инженер не успел.

Две упитанных змеи стремительно перехватили его поперек туловища и, ловко вырвав из воды, перенесли к центру светящегося колеса. Они бережно поместили инженера между двумя мускульными наростами прохладной плоти.

Затем существо сложилось, тесно обняв Песа – так сырое еще тесто обнимает начинку рождественского пирога.

Пес заорал – захлебываясь, истекая криком.

Но звуки угасли в обволакивающем его неподатливом мясе.

Револьвер!

Он кое-как извлек его из-за пояса.

И тотчас высадил весь барабан, не целясь. Благо, промахнуться было невозможно – враг был везде.

Пули легко прошили плоть существа, не причинив ему никакого видимого вреда.

«Этого следовало ожидать...» – подумал Пес обескураженно.

На него навалилась апатия.

Спротивляться бесполезно. Бежать некуда. Сейчас его будут переваривать.

Вот-вот на темечко брызнет струйка едкой пищеварительной жидкости... Или иначе: вот прямо сейчас в его невкусное, немолодое тело вопьются хищные пищеварительные реснички и быстро высосут его всего, до последней вакуоли, ибо таковы законы природы: большие питаются меньшими.

«Прощай, Эстерсон. Твоего верного Песа съели водоплавающие блины планеты Фелиция...»

Однако минуты шли, а пищеварительная жидкость запаздывала.

Существо же вело себя весьма энергично. Мощные волны мышечных сокращений пронеслись через всё его гигантское тело.

Если бы Пес мог посмотреть на своего пленителя со стороны, он бы увидел, что существо приобрело форму длинного изогнутого ножа, и нож этот, вспарывая пологие волны, стремительно удаляется от берега.

Впрочем, Песу хватило воображения достроить эту картину и без помощи зрения.

Прошло полчаса и пан Станислав уже практически поверил в то, что переваривать его пока не будут.

Теперь его заботила другая опасность – становилось душновато. Воздух в «желудке» существа потихоньку подходил к концу.

«Блестящая перспектива – умереть от удушья после всего того, что я уже сегодня пережил...»

Инженер уже почти смирился со своей судьбой и даже задремал, когда его пленитель остановился. Вывернулся как бы наизнанку. И, вновь подхватив сомлевшего Песа при помощи двух желтых щупалец, вознес его высоко в небо.

Ошарашенный инженер открыл глаза.

Обнаружил себя в десяти метрах над взгорбившейся волной посреди открытого моря.

И вновь истошно заорал.

Он не смолкал до тех пор, пока заботливые щупальца не поставили его на мохнатый, остро пахнущий крепким черным чаем, островок.

Островок мерно баюкало на волнах, а стало быть, он являлся скорее суденышком или, вернее сказать, плотом.

Чтобы удержать равновесие, Пес опустил на четвереньки.

На ощупь поверхность островка напоминала мочало. Она была сухой и кое-где еще хранила память о жарких прикосновениях лучей недавно закатившегося дневного светила.

Эти теплые прогалины невероятно обрадовали Песа, который смертельно продрог и стучал зубами от холода.

Что ж, умирать на островке гораздо приятней, чем в осклизлой утробе морского гада. Пес опустил голову на мшистый бугор и забылся тяжелым сном лишенца.

Пес проспал до полудня следующего дня, в общей сложности шестнадцать часов. Даром что на Церере, откуда он спасся бегством в компании своего коллеги Эстерсона, неделями страдал бессонницей – ее не брали никакие пилюли...

Он не сразу понял, где находится – воспоминания запоздали на несколько томительных секунд. А когда понял, помрачнел. Любой помрачнел бы!

Итак, он пребывал на плоту предположительно искусственного происхождения.

Плот состоял из тысяч длинных, мохнатых, тщательно сплетенных воедино водорослей. Вместе они составляли нечто вроде многослойного матраса, настолько толстого, что его поверхность, на которой и лежал Пес, возвышалась над водой метра на два – два с половиной.

Инженер прикинул, что подводная часть, так сказать, грассберга, должна быть примерно той же или даже большей величины. Однако, перегнувшись через край и всмотревшись в прозрачную синеву, он с удивлением обнаружил, что плавучий остров погружен в воду хорошо если на метр.

Отчего так? Инженер распотрошил плетение водорослей под собой и обнаружил, что основной объем плота заполняют крайне необычные растения, чьи стебли имеют многочисленные пузыревидные наплывы. Эти наплывы были полыми, их эластичные стенки на ощупь напоминали... надувные шарики.

Предположить, что весь «матрас» вырос сам, по случайному велению природы, было никак нельзя. Плот имел достаточно правильные очертания вытянутого овала. Но главное, рядом с ним, на некотором удалении, плыли плоты-близнецы – числом около двух дюжин.

Никаких инженеров Песов на соседних плотках видно не было. Но на этом существенные отличия исчерпывались.

Двигались плоты, конечно же, не сами по себе. И не по воле течения.

Их целенаправленно волокли вперед. И притом достаточно быстро, со скоростью парусной яхты, идущей галфвиндом.

Это предельвали собратья той твари, которая давеча похитила Песа из окрестностей утопшего истребителя.

Впрочем, инженер уже начинал догадываться, что истребитель утонул не сам собой, но был умышленно увлечен ко дну.

Пересилив страх и отвращение, Пес всё же рассмотрел своих новых знакомцев. И даже смог воскресить в памяти то небольшое, что он прочел о морской фауне Фелиции, приуготовляя бегство с Цереры в компании Эстерсона.

«Готов поспорить на миллион терро, это и есть те самые „капошоны“, о которых сообщает господин Корсаков в своей удалой „Энциклопедии Дальнего Внеземелья“... Помнится, там шла речь о двух главнейших видах исполинских морских животных Фелиции. Первые звались „дварвами“... Так их называют аборигены-сирхи. Наш земной строгий термин – канцеротевтиды, – у Песа была отличная память на сложные слова, – то есть „ракокальмары“. Но этим ужасающим словом редко пользуются даже ученые.»

– Кан-це-ро-тев-тид, – вслух произнес Пес и не отказал себе в удовольствии смачно сплюнуть. – Тьфу, вот ведь злая дупа!

Повеселев, он вернулся к своему зоологическому экспресс-анализу.

«Но если верить Корсакову, попадись я дварву, не прожить мне и минуты. Дварв – свирепый, вечно голодный хищник... Вдобавок, у дварва должен быть панцирь, похожий на крабий, и четыре длинейших суставчатых конечности, устроенных по типу скорпионьего хвоста... Которые, впрочем, оканчиваются не ядовитым жалом, а тремя парами острых клешней-ножниц. У моих похитителей суставчатых конечностей не видно... Да и панциря... Напротив, они мягкотелы и блинообразны. Но если это те самые „капюшоны“, то отчего они „капюшоны“, а не, допустим, „блины“?»

Спустя час Пес получил наглядный ответ на этот вопрос.

Когда их флотилия проходила совсем близко от берега – там безымянная местная река впадала в море, сообщая ему свою мутную пресноводную изумрудность – капюшоны вдруг остановились.

Каждое из этих существ как бы присобралось, сгорбилось, опустив щупальца вниз. Теперь они приобрели сходство с гигантскими медузами мраморно-желтого цвета. И вот уже над водой показалось несколько горбов или, скорее, грибных шляпок, совершающих размашистые колебательные движения вверх-вниз.

«Теперь ясно! Они, вероятно, и питаются как медузы, фильтруя из воды мелкую живность – рачков, мальков, беспозвоночных... И похожи они при этом на... блестящие капюшоны желтых плащей-дождевиков!»

Итак, капюшоны если и были хищниками, то лишь в том смысле, в каком ими являются многие земные киты, без усталости цепающие студеной водицу в поисках планктона...

«Хвала Ахура-Мазде, для их пищевой цепочки я слишком крупное звено...»

Пес смутно припоминал, что именно «Энциклопедия» настаивала на достаточно высоком уровне внутривидового общественного развития капюшонов... Они, дескать, знакомы с зачатками товарно-денежных отношений и, по некоторым сведениям, даже строят города, похожие на подводные термитники...

«Только бы им не пришло в голову отвезти меня в один из таких термитников! – взмолился Пес. – Не переживу физически...»

Все эти наблюдения над живой природой инженер вел, неторопливо обследуя содержимое ящика с загадочной кириллической маркировкой «Лазурный Берег» на крышке.

Откуда взялся на плоту ящик, Пес не имел никакого понятия. Но был отчего-то уверен, что вчера его еще не было. Стало быть, пока он спал...

О, это был очень полезный ящик! В нем содержалось несколько полных продовольственных пайков, включая, между прочим, бутылки с пресной водой. В одну из бутылей Пес вцепился с естественной жадностью жертвы кораблекрушения. Таких двухлитровых емкостей было еще пять. Это значило, смерть от жажды откладывается как минимум на неделю. Еды тоже хватало, но она, как ни странно, влекла инженера значительно меньше – аппетита, считай, не было.

«Если ящик и впрямь доставили на плот капюшоны – а кто же еще, – значит, они осведомлены о том, что я человек и нуждаюсь в человеческой пище. Они знают, где ее взять, а стало быть, способны контактировать с людьми... Контакттировать? М-да... Впрочем, целенаправленное воровство тоже можно считать формой контакта, не так ли? А это дает достаточные основания приписать капюшонам интеллект, сравнимый хотя бы с дельфиным.»

Утолив жажду и вяло сжевав упаковку пшеничных хлебцов, Пес взялся исследовать содержимое своих карманов.

Электронная записная книжка-секретарь скончалась, не приходя в сознание. Но Пес и не думал печалиться – пропади они пропадом эти импровизированные инженерные расчеты, мудрые мысли из серии «в понедельник забрать из химчистки брюки» и служебные телефоны прошлогодних любовниц...

Пачка бумажных носовых платков (на Церере Песа донимал не выводимый никакими лекарствами насморк) фатально размокла, превратилась в белое комковатое месиво и была без сожаления выброшена за борт...

Расческа. Что ей делается, этой расческе? Пес провел гребешком по своей незавидной шевелюре, улыбнулся. «Если среди капюшонов есть дамы, они должны оценить мои старания оставаться денди!»

Коробка патронов к «Кольту» – ее он прихватил в капитанской каюте «Фрэнсиса Бекона»... Коробка сразу навела его на воспоминания об их с Эстерсоном аванюре.

Да-да, именно об «их с Эстерсоном», а не об «аванюре Эстерсона», как наверняка предпочитал думать последний. Ведь это он, Пес, плавно подвел Роланда к идее бегства. Это он, Пес, многие недели играл на нервах Эстерсона, как на мандолине, чего уж таить, обманывал его, сгущал краски, передергивал... Убеждал, что с Цереры ему, Эстерсону, не выбраться вовек, красиво рассуждал о свободе и рабстве, приводил в пример свои наскоро изобретенные злоключения, представляя себя таким пожизненным узником концерна «Дитерхази и Родригес». Конечно, концерн этот был тем еще местечком, и ничего особенно хорошего Пес сказать о нем не мог, но чтобы так... чтобы прямо «рабство»... чтобы прямо «кабала» и «никаких шансов»...

Пес знал, что у Эстерсона были все шансы выбраться с Цереры через годик, а если он будет упорствовать и скандалить, то и через полгода. Вот «Дюрандаль» принимает придиричивая комиссия заказчиков от русских Военно-Космических Сил... Вот Эстерсон что-то там такое дорабатывает... Потом истребитель запускают в серию.

Эстерсону, конечно, подсовывают новый контракт, жирнее прежнего, сулят еще какие-нибудь небывалые льготы и возможности... Но тут Эстерсон берет – и отказывается. И еще раз отказывается. Проявляет ту самую твердость, которая у него, конечно, в характере есть. И идет гулять на все четыре стороны! Хоть в родную Швецию, хоть в дальние дали, да хоть к чоругам, никто ему и слова не скажет!

Но Эстерсон, деморализованный неудачами с «Дюрандалем», сомневался в самом важном – в том, что всё будет хорошо. А Пес ему сомневаться помогал.

Эстерсон был превосходным инженером. Да что там «инженером»! Он был великолепным генеральным конструктором! Но в людях разбирался скверно, бессознательно полагая их чем-то вроде некондиционных роботов. Песу не составляло труда выведывать у Эстерсона его планы, быть в курсе всех его тайных чаяний. Даже следить за ним было элементарно – ведь погруженный в свои думы Роланд никогда не оглядывался... Когда Эстерсон, подобно послушной марионетке, продумал и спланировал операцию «бегство с Цереры», Песу оставалось лишь прикинуться простачком и присоединиться к нему.

Когда они брали на абордаж «Фрэнсис Бекон», Пес ликовал. Всё шло лучше некуда! Еще чуток, и Эстерсон – светлая голова и, без сомнения, один из лучших авиакосмических спецов Объединенных Наций, – окажется в его чистых, холодных руках... Жаль только Эстерсон не справился с «Дюрандалем» в самом конце их отчаянного полета...

Путешествуя по лабиринтам воспоминаний, Пес тем временем неспешно, с расстановкой перебрал «Кольт». Почистил нарезы при помощи маленького подствольного шомпола, отщелкнул вбок барабан, вытряхнул гильзы из гнезд (ох уж эта добрая старая оружейная школа!) и зарядил каждое лоснящимся маслянистой смазкой патроном из коробки.

Отчего-то вспомнилось, что лихие ребята в русских боевиках про старину называют патроны «маслятами». Теперь Пес наконец понял истоки этого жаргонизма.

Барабан «Кольта» шестисотой модели был восьмизарядным. Коробка – полупустой. Соответственно, в запасе у него осталось четыре «маслёнка».

Затем для защиты от палящего солнца Пес соорудил себе панаму из рубашки (она лопнула на спине, ее было не жаль) и вдруг осознал, что насущные хлопоты... окончились.

Инженер уселся на передний край плота, свесил ноги вниз и принялся всматриваться в зыбкую кардиограмму берега, в надежде разглядеть там... Ну хоть что-то занимательное: один-два действующих вулкана, желательно в стадии извержения, черную воронку смерча (его, конечно, пронесет мимо!), взлет могучего инопланетного звездолета или хотя бы падение загульного метеорита, сопровождаемое взрывом в мегатонну силумитового эквивалента и вывалом девственных джунглей Фелиции на половине материка...

Ни-че-го.

Пес принялся насвистывать «Plynie Wisla, plynie».

Плоты, влекомые капюшонами, с безмятежной гладкостью скользили вперед. Чавкала внизу водица. Ветер трепал края самодельной инженерской панамы...

Эта идиллия сгнула за считанные секунды, когда ближайший плот-грассберг вдруг встал вертикально.

Будто бы гигантская рыба проглотила наживку и теперь что было дури дергала поплавок – плот несколько раз исчезал под водой, но затем всё же появлялся вновь.

Встревоженный Пес вскочил на ноги.

Сквозь толщу воды угадывалось движение нескольких огромных существ.

В двух из них худо-бедно распознавались сложившиеся пополам капюшоны. А вот другие...

Эти другие всплывали из неведомых пучин, которых не достигают даже самые отважные солнечные лучи.

Рассмотреть их толком Пес пока не мог, но резкие, порывистые броски серых теней, контрастирующие с элегантной плавностью движений капюшонов, ничего хорошего не обещали.

Исчадия бездны атаковали внезапно.

Инженер увидел, как один из капюшонов был распорот почти пополам одновременным молниеносным взмахом двух суставчатых лап. Капюшон попытался обвить врага своими недюжинными щупальцами. На мгновение Песу даже показалось, что смертельно раненому капюшону всё-таки удастся послать врагу поцелуй из могилы... Но тщетно. К бурым членистым конечностям присоединились еще две, и вот уже зеленые, на спутанную кудель похожие внутренности капюшона уносит течением в сторону далекого берега...

Одновременно с этим под водой исчезли сразу три плота.

Их явно влекла вниз чья-то злая воля.

Капюшоны, ответственные за похищенные плоты, лихорадочно метались у поверхности, словно насадки, потерявшие своих цыплят. Аналогия с насадками навела Песа на объяснение происходящего. Точнее, он вдруг осознал это объяснение, оно как бы вошло в его сознание уже готовым.

«Это только мой плот внутри пустой. А другие плоты – они полные... Но чем они могут наполниться? Не рыбой же? Стали бы разумные капюшоны волочь в такую даль, не зная отдыха, какую-то рыбу, которую они, вдобавок, и не едят... Что же там такое в этих плотях?! Что интересует хищников из глубин? Скорее всего – детеныши. Ничего другого там и быть-то не может... Человеческие мамы катают по паркам оборчатые коляски. Капюшоны волокут за собой плоты из водорослей...»

Вдруг он увидел маленькое по капюшонным масштабам существо размером с сенбернара. Оно выглядело как... как увеличенный мяч для регби, покрытый множеством вертких нежных отростков, каждый длиной с человеческую руку. Отростки эти энергично, но крайне беспорядочно баламутили воду. Чувствовалось, что самостоятельно малыш не проплывет и километра. До стремительной, концентрированной мощи взрослого капюшона ему было далеко.

Рядом с первым капюшончиком появился второй, еще более плюгавый. Оба счастливица, как видно, спаслись с похищенного монстрами плота. Влекомые инстинктом, они гребли к

ближайшему грассбергу – на нем как раз сидел Пес. Детеныши привычно юркнули под водорослевый матрас и больше Пес их не видел...

Вода вскипала то там, то здесь. На поверхность выбросило несколько оторванных, омертвевших щупалец. Но и враг нес потери – трое дюжих капюшонов на глазах у Песа вцепились в хищника с двух сторон и, приподняв его над волной, ловко оторвали ему все четыре монструозных клешни, схожих с паучьими лапами.

Трудно было судить о балансе сил в этой схватке. Но даже Песу было очевидно, что капюшоны не обладают особыми преимуществами перед нападающими. А хищники, в свою очередь, не ставят перед собой целью одолеть всех капюшонов до единого и раздербанить все плоты. Им бы раздобыть себе мяса и поскорее убраться восвояси...

Также, насколько понял Пес, капюшоны по каким-то причинам не были готовы преследовать агрессоров на глубине. Они предпочитали разбираться с ними в сносно освещаемом солнцем приповерхностном слое вод.

«Надеются дезориентировать придонных хищников, привыкших к более высокому давлению и глухой сумеречной мгле, которая царит на шельфе?» – гадал Пес.

«Я не я буду, если это не дварвы – самые опасные морские твари Фелиции!» – заключил он.

В тот же миг пана Станислава обдало фонтаном соленых брызг – он бурно взметнулся позади плота.

Пес резко обернулся, машинально вскидывая «Кольт».

Его взору предстала фантастическая картина: невдалеке матерый, особенно крупный капюшон сцепился в смертельной схватке с хищником – сравнительно небольшим, возможно, молодым.

Они нарезали круги и яростно, с буханьем и шумливым плеском, кувыркались, но, судя по всему, ни один не мог одержать верх – капюшон намертво зафиксировал клешни дварва и, хотя тот пробовал одолеть капюшона, впиваясь в него мягкими приротовыми педипальпами, покрытыми розовыми треугольными присосками, их силы было явно недостаточно, чтобы смертельно изувечить врага.

Бог весть, сколько бы это продолжалось (другие капюшоны отчего-то в противоборство встравать не торопились), но тут загрохотал «Кольт».

Стрелял Пес хорошо, никогда не жаловался. Все пули кучно легли в бугристую массу над мягкими педипальпами, которую инженер верно интерпретировал как голову дварва.

Его стрельба возымела неожиданно быстрый эффект.

Пес не взялся бы утверждать, что он убил хищника. Но именно его вмешательство положило конец затянувшемуся единоборству. Капюшон отшвырнул дварва, тот нелепо ударился о воду, сразу же потеряв одну клешню. Затем хищник кое-как собрался и, суетливо работая уплощенными хвостовыми щупальцами, пустился в бегство, на глубину.

Трое доселе безучастно наблюдавших за поединком капюшонов тотчас бросились за ним.

«Вряд ли беглец уйдет живым...» – подумал Пес, заряжая «Кольт» последними четырьмя патронами.

С рациональной точки зрения, и в этом Пес отдавал себе отчет, его вмешательство смысла не имело.

Одним хищником меньше, одним больше... Патронов у него теперь почти совсем не осталось... А ведь их стоило бы придержать на случай угрозы непосредственно его, Песа, драгоценной шкуре! Но с точки зрения... ну что ли боевого товарищества (Пес улыбнулся этой внезапно посетившей его сознание словесной формуле) он всё сделал правильно. Вступился за своего. Помог ему победить... Не этому ли учит зороастризм, Первая Вера, ради которой его родители, восторженные неофиты Юстина и Томаш Чопики, покинули всё то милое и привычное, что звали они домом и Родиной?

«Смешно до ужаса... Раньше я считал „своими“ коллег по секретной лаборатории АСАФ на Церере. Теперь „своими“ для меня стали эти взбалмошные морские гады... Судьба человека, пся крев!»

Спустя десять минут после нападения морское путешествие капюшонов продолжилось как ни в чем ни бывало.

Пес, тоже понемногу успокоившийся, встал на краю плота, чтобы справить малую нужду.

Тоненькая золотистая струйка, чертя баллистическую параболу, безмятежно соединялась с дрожащим аквамарином морской ряби.

Вдруг журчание как бы удвоилось, упятерилось, удесятерилось.

Пес поднял глаза.

Ближайший к нему капюшон – возможно, тот самый, которого он спас, а может и не тот, – приподнявшись над поверхностью, исторгал, при помощи одной из многочисленных складок своего тела, длинную тонкую струйку, узнаваемую копию струйки инженерской.

То же делали и другие капюшоны.

«Солидарность?!»

Пес в голос загоготал.

Настало утро – второе утро пана Станислава на Фелиции.

Первым делом он бросил взгляд на запад – не подошла ли флотилия капюшонов вплотную к берегу? (Пес по-прежнему не оставлял надежд сбежать от своих спасителей – теперь он предпочитал называть их так – при первой же возможности.)

Ничего подобного. Берег виднелся едва различимой серо-желтой фата-морганой, до него было километров восемь.

«Ну что же, – подумал Пес. – Позабочусь-ка о дне сегодняшнем, а завтрашний – пусть огнем горит!»

Он открыл ящик с продуктами и обстоятельно наметил меню грядущего завтрака. Минеральная вода «Белозеро». Саморазогревающийся печеный картофель с салом по-деревенски. Салат из маринованной репы с изюмом. Рулеты «Вальдшнеп», как уверяла этикетка, из мяса болотной дичи.

Пес никогда не жаловал русскую еду. И ставил вездесущие русские рестораны где-то наравне с китайскими – набившая оскомину экзотика, да еще и для пищеварения нелегкая. Но аппетит у него разыгрался зверский. Стоило ли перебирать харчами?

В общем, он съел всё. И не отказался бы от добавки... если бы не вполне естественные соображения экономии. Сколько им еще плыть? Неделю? Две?

Пес сыто поглаживал покрытый густой порослью живот, по-курортному развалившись в геометрическом центре плавучего острова, когда его слух уловил зарождение какого-то неясного, тревожащего звука.

Повертев головой, Пес определил, что звук доносится с северо-запада.

Там, в накаленном солнцем полуденном мареве, что вуалью висело над далеким берегом, чернела теперь маленькая оспина.

«Вертолет!» – обрадовался Пес.

Но сразу же одернул себя.

Чему было радоваться, если любой бороздящий воздушные просторы Фелиции летательный аппарат был потенциально опасен? В лучшем случае он мог бы принадлежать ученым, в среднем – дипломатам Объединенных Наций. Ну а в худшем – корпоративной охране концерна «Дитерхази и Родригес», брошенной на поиски «Дюрандаля» и двух ценных беглецов.

Но даже ученым и дипломатам попадаться на глаза было крайне нежелательно. Стоит ему, Песу, позволить спасти себя от капюшонов, и всё, пиши пропало, он станет частью их сложного учено-дипломатического сюжета. Его куда-то повезут, начнут расспрашивать,

лечить, устраивать, конечно, придется им что-то объяснять, а значит юлить и врать. Он справится, ведь он опытный, тренированный старый лис. Неисправимо лишь одно: так или иначе, это будет *их* сюжет, сюжет ученых или дипломатов. А у него, пана Станислава, был свой.

Вертолет шел прямо на них. Пес забеспокоился.

Хорошо бы спрятаться. Но куда?

Единственным решением было схорониться под островом-гнездом и переждать.

Пес поморщился – как же не хотелось ему, обгорелому, измученному, лезть в прохладную воду! Опять вся одежда будет мокрой, суши ее потом! А если воспаление легких?

Но вертолет приближался.

Пес решил на компромисс. Он споро скинул брюки, стянул свитер и ботинки. Уложил всё это в ящик с едой и замаскировал его под особенно густой кочкой. И в одних трусах – на случай, если его всё-таки обнаружат (вот она – старомодная польская стыдливость!) – спустился в воду, держась за край плота.

Остров-гнездо оказался многослойным.

Восседая на нем сверху, заметить это было нельзя. Но от уровня воды при дневном свете открывался вид на несколько полостей-пещерок, укрытых под свесами из хвоцевидных гирлянд.

В одну из таких пещерок он и забрался, не без труда подтянувшись на руках. Едва успели его пятки скрыться, как вертолет с грохотом промчался прямо над гнездом.

Пересилив детское желание съежиться и зажмуриться, Пес осторожно выглянул в просвет между плетением стеблей.

Это был новехонький вертолет Н-112 южноамериканского производства. Его винты, выполненные по соосной схеме, казалось, работают нехотя, с ленцой. На самом же деле они гнали воздух с такой силой, что плот ощутимо раскачало на поднятой ими волне.

Пес хорошо знал эту машину. Одно из конструкторских бюро, принадлежащих «Дитерхази и Родригес», проектировало для него электронную начинку. На основании договоренности между родным концерном Песа и фирмой-производителем вертолета, «Дитерхази и Родригес» покупал его почти по себестоимости...

Вертолет, что было свойственно его винтокрылому племени, развернул фюзеляж на девяносто градусов и продолжил лететь левым бортом вперед. В его правом борту, повернутом теперь к Песу, чернел проем раскрытой грузовой двери – там вертел головой летный наблюдатель. Поблескивали рачьими глазами нашлемные очки всережимного видения.

HERMANDAD – кричала огромная белая надпись на хвостовой балке вертолета.

«Эрмандадой» называлась корпоративная охрана нескольких крупнейших южноамериканских концернов.

Пес когда-то слышал, что слово это древнее. В испанских городах времен Реконкисты так звали стражу, отличавшуюся бескомпромиссностью и особенной жестокостью...

Теперь уже сомнений не было – это посланцы «Дитерхази и Родригес». Оперативность их появления на Фелиции можно было понять – за один день лишиться двух ведущих инженеров! Пес знал себе цену. И она была достаточно высока. Но цену гению Эстерсона он знал и давно... Нет, так просто концерн «Дитерхази и Родригес» с создателем «Дюрандаля» не расстанется...

«Ну давай, метла поганая. Покрутилась – и лети отсюда. Ничего интересного тут нет. Только дикие твари-капюшоны. Мигрируют со своими гнездами, набитыми безмозглыми личинками. Что с капюшонов взять? Они „Дюрандалей“ не строят...» – бормотал Пес.

Но вертолет заклинаний шаманствующего инженера не слушался.

Он продолжал кружить над флотилией, опустив остекленный нос. Словно бы принюхивался.

Вдруг вертолет снизился так решительно, будто собрался сесть на одно из плавучих гнезд. В какой-то момент Песу показалось, и впрямь собирается.

«Но это же идиотизм!» – недоумевал инженер.

Вскоре экипаж вертолета продемонстрировал-таки настоящий идиотизм.

Нет, они не сели на плот. Но...

В дверном проеме недобро блеснуло оружие. Наблюдатель передернул затвор, опустил ствол автомата вниз и выпустил в воду длинную очередь.

Зачем он это сделал? Насмотрелся запрещенных фильмов про морское сафари? Или просто от скуки?

Последствия были самые катастрофические.

Вода забурлила. В воздух взмыли десятки желтых щупалец.

Некоторые из них промахнулись. Но тех четырех, что сумели вцепиться в правое шасси и костыль на хвостовой балке вертолета, было более чем достаточно.

Спустя секунду накренившийся вертолет уже рубил лопастями воду. Еще мгновение – и он провалился вниз, почти не задержавшись на поверхности.

Негромко ухнула смыкающаяся воронка. И всё. Никаких больше звуков – вертолет сгинул как-то совершенно буднично, без громких эффектов.

Пес живо представил себе дальнейшую судьбу вертолета. К первому капюшону-охотнику присоединяются его друзья, они волокут несчастных эрмандадских дуроломов всё глубже и глубже... И в самом деле, если они с такой скоростью тащили упавший «Дюрандаль», то уж с вертолетом Н-112, который легче истребителя раз в двадцать, они расправятся играючи...

Вдруг Пес осознал, насколько же сильно он продрог.

«Сейчас бы на солнышко...» – с тоской подумал он.

Однако выбираться из укрытия ему было боязно.

А вдруг вертолетчики что-то заметили?

Вдруг успели передать товарищам координаты подозрительной с их точки зрения флотилии? И – Вэртрагна, охраняй! – с минуты на минуту сюда нагрянут еще два, три, четыре вертолета, которые расстреляют весь этот плавучий цирк, а вместе с ним и Песа, из гранатометов?

Однако капюшоны соображали не хуже Песа. Возможно, по-другому соображали. Но – не хуже.

Покончив в вертолетом, они с утроенным усердием поволокли гнезда прочь. Причем, курс их движения изменился – теперь флотилия двигалась на северо-восток, уходя всё дальше от берега.

Спустя час озябший и даже как будто похудевший на пару кило пан Станислав всё-таки отважился выбраться наверх.

Он энергично растер свое мохлястое тело колючим свитером, нахлобучил панаму и уселся на самую высокую кочку, подставив грудь и живот солнцу.

Похрустывая печеньем в шоколаде, Пес поймал себя на странной мысли: после инцидента с вертолетом он стал относиться к капюшонам ну... почти как к друзьям.

«Моя многоногая, многоглазая дружина...»

Утром третьего дня Пес увидел его – броненосец.

Нескладный корабль стоял вмертвую, будто замороженный в штилевую водную гладь.

Вскоре инженер разглядел раскидистое бурое пятно кораллового рифа. Но в первую секунду он не поверил своим глазам. Не может корабль стоять на воде вот так, монументом самому себе...

Песу очень хотелось рассмотреть диковину вблизи, но он был уверен: у капюшонов другие планы. В самом деле, флотилия перемещалась параллельно побережью и даже, как показалось Песу, начала забирать мористее.

Однако, капюшоны всего лишь огибали прибрежную отмель, вдающуюся далеко в море широким рыжеватым клином. А обойдя ее, резко свернули на запад, к рифу.

Да, они приближались к кораблю! Сердце инженера учащенно забилося.

Вскоре у него уже не оставалось сомнений – корабль построен кем угодно, но не людьми.

Начать с того, что корабль имел ядовито-зеленый цвет...

Далее. Его нос украшала ростральная фигура, раскрашенная ярко-красными и лиловыми полосами. Кое-где краска облупилась, но общего воинственного пафоса это не портило. Фигура изображала местного аборигена-сирха с агрессивно встопорщенным спинным гребнем, сжимающего в лапах продолговатый предмет, в котором Пес с изумлением признал легкую дульнозарядную пушку. На Земле такие тысячу лет назад назывались фальконетами и отливались они из бронзы. Местные мастера пушечных дел тоже были знакомы с этим благородным сплавом.

Самое удивительное, что корабль не был парусником. Не был он и гребной галерой.

Над рифом возвышался самый настоящий пароход!

Об этом однозначно свидетельствовали две черных конических трубы и огромные гребные колеса по бортам.

«Пир духа», – взволнованно прошептал Пес, припоминая свои прогулки по Хосровскому политехническому музею. Он и другие школьники спотыкливо перебираются от экспоната к экспонату, вытаращив изумленные глазенки... Уютный щебет тетеньки-экскурсовода... Дивные истории о дромонах и каравеллах, корейских кобуксонах и русских колесных лодках...

О том, что пароход задуман как ужасающая машина смерти и разрушения, можно было судить отнюдь не только по фальконету в лапах ростральной фигуры.

На возвышенном юте, помимо непропорционально высокого ходового мостика со штурвалом, виднелся коренастый автоматический гранатомет с мощным то ли пламегасителем, то ли дульным тормозом.

На центральной надстройке перед дымовыми трубами торчал здоровенный черный ствол в помятом, а местами и напрочь сорванном теплоизоляционном кожухе. Пес в очередной раз не поверил своим глазам, но был вынужден признать, что видит перед собой одну из серийных моделей флуггерной лазерпушки середины прошлого века.

Картину дополняли несколько бронзовых фальконетов, щедро разбросанных по полубаку и носовому помосту подле ростральной фигуры.

Ну и главное: это был не просто пароход, а броненосный пароход, канонерская лодка, монитор, черт возьми!

Борта корабля – метра на два с половиной над ватерлинией – покрывали щедро разливанные зелеными потоками патины медные листы. На уровне верхней палубы корабль оцетинился частоколом кованых прутьев, чьи хищно загнутые вниз острия сулили большие неприятности гипотетической абордажной партии. Впрочем, по правому борту на полубаке и в корме частокол имел изрядные прорехи. Там же были грубо выломаны некоторые доски обшивки. Как видно, какой-то особенно упорной абордажной партии всё же повезло.

Когда плот, на котором путешествовал Пес, оказался у самого края рифа, из воды высунулся крупный капюшон.

Он посмотрел на инженера со значением.

– Ты хочешь, наверное, спросить, нравится ли мне эта штука? Нравится, отличная! Спасибо, что показали! – в тот момент инженер еще был уверен, что капюшоны попросту развлекают его, своего найденыша и пленника, редким зрелищем.

Вместо ответа капюшон выпростал два щупальца и, аккуратно подхватив инженера под мышки, перенес его... прямым ходом на палубу броненосца!

Ах, как приятно было стоять на твердых, надежных досках! Пусть и выструганных инопланетными руками или, точнее, лапами...

Пес несколько раз подпрыгнул на месте, по-мальчишески, озорно улыбаясь. Щупальца кротко убрались восвояси.

Пес решил, что капюшоны вот-вот уплывут.

«А почему бы и нет? Спасли чужого, ну то есть меня. Доставили его в „естественную“, то есть техногенную, среду обитания... И айда по своим капюшонным делам!»

Не тут-то было.

– Спасибо! – Пес растроганно помахал капюшонам рукой.

Из воды высунулось под два десятка щупалец. Они помахали ему в ответ.

– Вы оказались славными ребятами! – не унимался пан Станислав.

Как бы в подтверждение справедливости последних слов, на палубу броненосца шлепнулся давешний ящик с надписью «Лазурный Берег», а в придачу к нему еще один, такой же.

– И кормите вкусно! – добавил Пес, усаживаясь на новый, запечатанный ящик.

Сцена дружеского прощания, однако, затягивалась. Капюшоны не двигались с места. И Пес решил, что беды не будет, если он прогуляется по вверенному ему судну.

Найти вход в трюм оказалось сложнее, чем он думал. Органичные для человеческой корабельной архитектуры палубные люки на полубаке здесь отсутствовали напрочь. Зато нашлась дверь в центральную надстройку.

Пес отворил ее и сразу оказался в просторном помещении, отделанном по дикарским понятиям шикарно. Его стены были обиты тканью – частью выцветшей, частью съеденной грибок, но даже в таком виде несшей следы узоров и вышивки.

Пол помещения был застлан циновками, по углам томились пухлые колбасы тьюфяков. Один из них был разорван – соломенные внутренности бесстыдно лезли наружу.

В центре, на ноге-тумбе, покоилась массивная резная чаша из розовой древесины. На ее краях висели черпачки. Пес ковырнул ногтем растрескавшуюся белую субстанцию, которой была на треть наполнена чаша.

«Наверное, еда», – догадался он.

На одной из стен висела табличка.

С виду простецкие, а на деле очень непростые часы инженера, в которых переводчик был, пожалуй, самой безобидной потаенной подсистемой, услужливо сообщили, транслировав с языка аборигенов:

«Это место угодно доброму сирху Качак Чо.»

Пес наморщил лоб.

«Кто таков этот добряк Чо? Святой? А может, царек? Или генерал?»

В задумчивости Пес повернул табличку на гвоздике. А вдруг там, за ней, тайник?

Но нет. Табличка всего лишь скрывала срам незалатанной дыры в красивой обивке...

Обследовав кают-компанию, так инженер окрестил помещение с чашей, он прошел через дверцу в соседнее, кормовое помещение надстройки. Эта небольшая каморка с четырьмя лежаками – парами один над другим – служила заодно тамбуром, из которого одна лестница вела наверх, на крышу надстройки, а другая – вниз.

Это и был искомый вход в трюм.

Пес осторожно спустился по лестнице, которая страдальчески постанывала при каждом его шаге, и оказался в низеньком трюме.

В нем, вероятно, царил бы кромешная тьма – иллюминаторов не было вовсе – если бы не обширный пролом по левому борту, через который проникали солнечные лучи.

«Сирхи определенно с кем-то воевали!» – заключил Пес, исследуя разбитые в щепу края пролома.

В том, что корабль построили именно сирхи, уже не было сомнений. Два мумифицированных трупа на трюмной палубе принадлежали, несомненно, коренным обитателям Фелиции. Один был вооружен кучей алебардой, другой мушкетом.

– Вояки... – промолвил Пес. – Железная гвардия...

Сундуков с сокровищами и бочонков рома, которым, если верить старинным романистам, полагалось в живописном беспорядке наполнять трюм всякого покинутого корабля, Песу отыскать не посчастливилось. Впрочем, рому нашлись аналоги – во множестве лубяных баклажек томилась загустевшая белесая жидкость, в точности похожая на ту, что пан Станислав обнаружил в миске посреди кают-компания. А в ампула сундуков с сокровищами выступали тяжеленные, армированные обрезиненными железными прутьями армейские ящики.

Пес сразу открыл один из них.

Цинковые коробки с магазинами к стрелковому оружию. Баллоны жидкого пороха. Пеналы с мелким инструментом.

«Богато!» – осклабился Пес.

Соседний ящик хранил боеприпасы к автоматическому гранатомету – похоже, тому самому, который грозно горбатился над ютом. Туда же были небрежно заброшены неведомой рукой гранаты россыпью, сигнальная ракетница, старенький ноктовизор.

Войдя во вкус, инженер вскрыл все ящики до единого. Не столько из любви к стрелковому оружию, сколько в надежде, что в одном из них – ведь бывают же чудеса! – сыщется бутылка водки. Ну или хотя бы виски. В крайнем случае вина – на Церере Пес не жаловал его по причине внезапно диагностированного воспаления поджелудочной, но теперь ему было плевать на этот медицинский вздор!

Увы. Алкоголя на борту не оказалось.

– Сирхи всё вылакали... к-котяры... – проворчал Пес с нервным смешком.

В качестве маленького утешения инженер выбрал себе в одном из ящиков кургузый автомат с клеймом Директории Азия – усатый змеевидный дракон сонно обворачивается всем своим щуплым телом вокруг дородной пятиконечной звезды.

Кстати сказать, больше азиатского оружия в арсенале не было. Преобладали немцы, шведы и южноамериканцы.

«Но где сирхи всего этого набрали в своем богоспасаемом захолустье? – размышлял Пес, осматривая находки. – Хотя, в сущности, легко вообразить... Те же трапперы. Прилетели охотиться на капюшонов... или что здесь еще?.. А капюшоны хватать их флуггер за хвост, как позавчера вертолет. Или проще. Банальное крушение. Оружие у них почти столетней давности. Флуггеры, небось, немногим моложе... В итоге отказ реактора, машина – вдребезги, экипаж – всмятку, а оружие целехонько...»

Обследовав трюм до самого носа, Пес вернулся к лестнице.

Дальше в корму, по его представлениям, должно было располагаться котельное отделение.

И действительно, неприметная дверца-люк привела инженера в освещенный через зарешеченные узкие оконца отсек с примитивной сирхской машинерией.

Сквозь слезящийся от умиления прищур Пес глядел на коленчатые трубы, шатуны, кривошипы, на закопченные топки.

Чем это отличается от земных паровых машин семисотлетней давности, он понять не мог. Более того, чем дольше он рассматривал чудо-технику, тем сильнее крепла в нем уверенность, что слухи о получении сирхами некоторых земных ретротехнологий из рук давно запрещенной североамериканской секты просперитов не лишены оснований...

«А чем они, интересно, всё это дело кормят? – спросил себя Пес. – Неужто угольком?»

Ответ – в виде высоких полениц с дровами – отыскался довольно быстро.

Правда, дрова оказались совсем сырыми – створки бункеровочного люка были распахнуты настежь, а в козырьке надстройки над ним зияли изрядные дыры. Стало быть, ливни постарались.

Конечно, Песу хотелось знать, работает ли паровая машина. Но выяснить это доподлинно можно было лишь располагая сухим топливом и, между прочим, пресной водой в баках питания котлов.

Пресную воду можно было на худой конец заменить и морской. Пусть и с катастрофическими в итоге последствиями, но – можно. А вот сухие дрова заменить было нечем.

«Придется сушить.»

Следует заметить, у инженера не было никаких особенных планов на этот курьезный пароход. Даже если машины работают, куда и как на нем плыть? Ведь судно крепко сидит на рифе...

Песа влекла деятельность как таковая. Деятельность как противоположность безделью, которым он успел смертельно пресытиться за проведенные в открытом море дни.

Инженер набрал дров, не слишком много для первого раза, чтобы не рухнул хлипкого вида трап, и полез наверх. С облегчением свалил дрова на полуюте. Бросил рассеянный взгляд в сторону моря. Что там капюшоны?

Капюшоны были на месте.

Пес помахал им рукой. Те ответили.

– Чего вы ждете, друзья мои? – недоумевал Пес.

Итак, пан Станислав принялся таскать охапки дров и раскладывать их на корме. А когда весь ют оказался заполнен, задействовал крышу надстройки.

Затем он от души отобедал, устроившись на тюфячках кают-компания. Потом стужились сумерки и Пес заснул счастливым сном ребенка, обнаружившего под нарядной новогодней елкой действующую модель старинного парохода.

Пес проснулся необычайно рано, на рассвете.

Солнце еще не успело выбраться из-за горизонта. Было свежо и тихо.

Пес энергично растер припухшие со сна щеки ладонями и вышел из кают-компания. Спать на сирхских тюфячках оказалось довольно удобно, по крайней мере, во много крат удобнее, чем на колючем мху острова-гнезда. Потянулся. Сладко зевнул.

Опершись о борт броненосца, он глянул вниз.

Был отлив. Вода обнажила верхи рифа, образовав своего рода Финляндию в миниатюре. Роль суши выполняли макушки коралловых образований, складывающиеся в причудливые узоры. А в роли пресловутых десяти тысяч финляндских озер выступали лужицы и крошечные лагуны в лунках и углублениях между кораллами. В них копошилась всевозможная вредная мелюзга.

Проследовав вялым взглядом вдоль этой Суоми, Пес обнаружил, что ее край почти вплотную примыкает к берегу.

Стоит перейти вброд или в крайнем случае переплыть неширокую протоку, отделяющую риф от земли, и окажешься на континенте.

Вдруг Песу стало обидно – он давным-давно на Фелиции, а еще не сделал по суше ни одного шага.

«Нужно срочно исправить это досадное упущение!»

Позабыв про завтрак, он обулся и, прихватив для уверенности китайский автомат, спустился в трюм. Подобрался к длинной пробойне по левому борту, выглянул из нее и удостоверился, что при должной физической сноровке (а она у Песа была) можно покинуть пароход, не прибегая даже к помощи веревки.

Что он и сделал.

И вот уже захрустели под рифленой подошвой инженерского ботинка пустые крабы панцири и бесчисленные раковины.

Он вышел из тени корабельного корпуса. Лучи восходящего солнца позолотили далекий пляж, усыпанный пегими валунами. Он показался инженеру таким желанным!

Но не тут-то было.

Пан Станислав не сделал и трех шагов – желтое щупальце капюшона, вынырнувшее из-за броненосца, загородило ему дорогу.

Его поставленный вертикально кончик предупредительно покачивался.

– А я думал, вы спите... – пробормотал Пес. – А вы не спите...

Он попробовал обойти щупальце.

Без толку – щупальце с мягкой непреклонностью сдвинулось вместе с ним.

– Ладно... Вашу мысль я понял. Больше с броненосца ни ногой.

И, вздохнув, Пес принялся карабкаться назад, в пробоину.

«Раз на берег не получается, буду развлекаться здесь...» – постановил Пес, молодежато расхаживая по палубе.

А что может быть лучшим развлечением для мужчины, нежели возня с оружием?

Первым делом Пес взлетел на крышу надстройки и осмотрел флуггерную лазерпушку, которая, по замыслу сирхов, олицетворяла главный калибр корабля.

Ирония судьбы заключалась в том, что величавая, старательно водруженная сирхами на капитальный самодельный станок пушка не могла поджарить даже воробья.

Она вообще не работала.

И то сказать, на борту флуггера такие пушки обслуживаются сложнейшей энергосистемой, запитываемой от бортового термоядерного реактора. От чего запитывать ее на пароходе? От огней Святого Эльма?

Вспомнив об огнях Святого Эльма, которые, как известно, загораются на клотике топ-мачты, Пес задрал голову и поглядел на родную мачту броненосца, увенчанную хлипкой наблюдательной площадкой. Такую площадку любой заправский морской волк, конечно же, величает марсом.

Туда инженер прежде не забирался. Почему бы не забраться сейчас?

Опасливо прислушиваясь – выдержит ли деревянный скоб-трап, ведь сирхи значительно легче людей, да вдобавок, как и земные коты, не слишком чувствительны к падениям с высоты – Пес вскарабкался на марс.

Оттуда открывался захватывающий вид.

Фрезерованное округлыми лагунами побережье.

Прямо по курсу коричневые, покатые горы сошлись на водопой и тянут, тянут к воде свои мощные выи...

И не менее полусотни капюшонов при трех десятках плотов-грассбергов по правому борту корабля.

Опираясь о перильца марса, Пес закричал:

– Э-ге-гей, хвостатые! Много же вас, оказывается...

Капюшоны сосредоточенно возились вблизи рифа. У Песа сложилось ощущение, что они чего-то ждут. Может быть, от него. Может быть, вообще... Какой-то особой погоды?.. Или, допустим, редкого небесного явления?..

Любование пейзажами быстро наскучило прагматику-Песу и он спустился. Отправился на бак, разбираться с теми штуковинами, которые он давеча обозначил для себя как фальконеты.

Это были весьма примитивные орудия калибром в пару дюймов, из которых явно предполагалось стрелять ядрами либо мелкой картечью.

Пес поискал глазами что-нибудь похожее на кранцы и обнаружил несколько плетеных корзин с крышками, прилепившихся к фальшборту. Там его дожидались каменные ядра, каж-

дое размером с небольшое яблоко, картузы с порохом, начисто, впрочем, отсыревшим, и сопутствующая канонирская принадлежность: пыжи, шуфлы, запалы.

Конечно, Пес не отказался бы пальнуть из музейного вида фальконета. Увы, без пороха это было невозможно, а экспериментировать с «жидким порохом» земного производства Пес не рискнул – можно ведь и без головы остаться... Однако желание выстрелить хоть из чего уже овладело праздной душой пана Станислава.

Он почти бегом переместился на корму, к автоматическому гранатомету.

В отличие от флуггерной лазерпушки это было обычное пехотное оружие.

Пес не имел практики обращения с подобными. Полных два часа, благо время у него было, он потратил на изучение, разборку и чистку убийственно запущенного агрегата.

Судя по всему, сирхи стреляли из него, и немало, но заботой о железяке себя не утруждали. (Да и вообще, земные представления о врожденной чистоплотности кошачьего племени к сирхам были явно неприменимы – об этом свидетельствовала, в частности, и густо устланная линия шерстью кают-компания.)

Гранатомет достался Песу с переключенным механизмом автоматики и невыстреленным унитаром.

«Не исключено даже, – меланхолично подумал инженер, – патрон заклинило в том бою, который стал для броненосца роковым. А может и сам бой стал роковым именно оттого, что оружие заклинило в самый ответственный момент и неведомый враг ворвался на борт...»

Труды инженера принесли плоды.

Перебранный до последней пружинки и прилежно вычищенный гранатомет был торжественно оснащен свежей двадцатизарядной лентой, принесенной из трюма.

Исходя из градуировки прицела, эффективная дальность стрельбы составляла три с половиной километра.

Чтобы не нервировать капюшонов стрельбой в воду, Пес прицелился в скалу, которая одиноким зубом возвышалась над расплывшейся песчаной дюной в полукилометре от берега.

Переключатель режимов стрельбы он благоразумно выставил в положение «очередь по три».

Поэтому когда он дернул за спусковой рычаг, скорострельный монстр сожрал только три гранаты, а не сразу пол-ленты.

Поскольку Пес не принял поправку на ветер, а расстояние было всё-таки заметным, очередь легла метров на тридцать левее цели.

На месте взрывов взметнулись песчаные султаны.

Спустя несколько секунд долетело барабанное «бум-бум-бум». С характерным звоном мелкие осколки рикошетировали от скалы.

«Машинка что надо... Из такой можно... да что угодно. Хоть бы и стадо капюшонов в мясной полуфабрикат переработать... А что? Развернуть орудие... Конечно, практического смысла в этом мало. Сбежать они мне всё равно не дадут. Расстреляю пятерых, ну пусть десяток, а сколько их там, в океанских даях еще? И ведь наверняка мстительные, как дэвы!» – лениво размышлял Пес.

Но дело было даже не в рациональных аргументах вроде «есть смысл», «нет смысла». И не в этических соображениях. Пес не испытывал жалости к негуманоидам (да и к гуманоидам испытывал ее отнюдь не всегда). А в том, что Песу было любопытно. Страстно желал он узнать сокровенный смысл происходящего. Зачем умные морские капюшоны затеяли всё это? Ведомые какими планами спасали его, кормили, транспортировали?

Пес учился быстро. Он нашел на прицеле верньер ввода поправок, подкрутил его соответственно своей интуиции, прицелился вновь.

Вторая очередь легла в основание скалы, вырвав из нее несколько порядочных отломков.

– Э-ге! – обрадовался Пес.

Оставшихся в ленте зарядов ему как раз хватило на то, чтобы целиком удалить скалу из рыхлой десны прибрежной дюны.

Пес настолько увлекся стрельбой, настолько был упоен новой ребяческой забавой, что не замечал ничего вокруг.

Он поглядел в сторону моря лишь когда расслышал в наступившей тишине негромкий ритмичный плеск.

– Это, надо полагать, аплодисменты? – Пес скользил взглядом по штрихованным всхолмьям желтых капюшонных тел. Те, выбравшись из воды «по грудь», восторженно колотили шупальцами по налитой солнцем волне.

Прошло два дня.

Пес отменно освоился на броненосце. Теперь он знал все его закоулки и мог по памяти перечислить содержимое многочисленных ящичков, корзинок-кранцев, лубяных тубусов и шкафчиков.

Ему даже начало казаться, что он сам спроектировал этот корабль. И более того – построил...

Жизнь его, как рассеченный лихим пехлеванским палашом арбуз, развалилась строго напополам – «до броненосца» и «на броненосце». И первая ее часть, та самая, которая «до», с каждой секундой казалась всё более ирреальной, всё дальше уплывала куда-то в туман небытия.

Не теряя времени даром, Пес заделал прорехи, через которые дожди подтапливали котельное отделение корабля.

Дрова быстро высохли на крепком морском ветру и Пес перенес их вниз, сложив аккуратными поленицами вокруг топок.

Пану Станиславу удалось разжечь топки, развести пары и, спустя полтора часа, он недрожавшей рукой повернул главный вентиль.

Весь корабль – от транца до роstralной фигуры сирха – отозвался разнобоем новых звуков. Он скрипел, потрескивал, кудахтал, ныл и кажется даже смеялся тихим кашляющим смехом (это клокотала вода в трубах).

Пес опрометью выбежал на палубу, где его ждало отрадное зрелище: колеса, чьи шлицы даже в самом нижнем положении еле-еле касались воды, начали свое медленное вращение, оглашая окрестные бухты хриплым визгом.

«Надо бы смазать!» – по-хозяйски подумал Пес.

Остаток дня он провел в беличьих метаниях по судну. Тут заделать, там замазать, здесь трап этот дряхлый подновить...

Зачем чинить трап Пес не мог толком объяснить даже самому себе.

К ночи он так умаялся, что заснул прямо в машинном отделении, положив голову на плоский ящик из-под треноги гранатомета.

Сон его был тревожным. Видения лавинами сменяли друг дружку: из детского сада имени Сахаджа Барбази он, как был в школьном комбинезончике и красной шапочке отличника, перемещался прямо в сияющий перламутром огней бар станции «Боливар» на Церере, прямехонько за столик к конструктору Эстерсону, чтобы вставить какую-нибудь глубокомысленную фразу в бесконечный разговор, а оттуда, непонятно где сменив платье, перелетал в эпицентр экзаменационной кутерьмы, под своды Краковского политехнического, в руке – фломастер, под локтем шуршат тестовые задачи, над плечом нависает сердитый пан экзаменатор...

Его разбудил грохот обрушившейся поленицы.

Броненосец закрипел всем корпусом. Где-то совсем рядом теперь слышался певучий плеск волн.

«Прилив», – сообразил Пес.

Затем последовал еще один толчок, мощнее прежнего, и размаятый сном инженер едва удержался на ногах.

«Да что тут вообще творится?!»

Он выбрался наверх, в глухую предутреннюю ночь.

Далеко на западе закатывалось за горизонт яркое звездное скопление Тремезианский Лев. Почти точно в зените светился спутник Фелиции со смешным именем Ухо-1.

Солнце еще только собиралось всходить, почти ничем, за исключением тонкой белесой нити на востоке, не обнаруживая своих намерений.

Пес оперся о планширь и заглянул под правый борт.

Воды заметно прибыло. Теперь волны цепляли ватерлинию.

Капюшоны, и это Пес заметил сразу, тоже интересовались ватерлинией. По крайней мере, в окрестностях броненосца их было не менее десятка.

Их великанские щупальца, при виде которых у Песа, невзирая на все новорожденные дружеские чувства, всякий раз мороз пробегал по коже, шарили по днищу и бортам парохода, как бы обнимая его.

Рывок...

Теперь Пес понимал – это капюшоны перемещают корабль.

«Пытаются, что ли, снять с рифа? Хотят, чтобы я проявил себя как полноценный мореход? Очередное развлечение изобрели?»

Прибывающая вода помогала капюшонам. Спустя полминуты массивная, казавшаяся неподъемной туша корабля вдруг качнулась на нос и ловко заскользила вперед. Хрустело коралловое крошево, скрежетала медь.

Пес видел, как целая чащоба щупалец, обвив железные шипы на баке, энергично помогает кораблю.

Наконец корма грузно плюхнула в воду, громыхнул сорвавшийся со станка фальконет и инженер понял: корабль свободен.

«Ни минуты покоя... Прямо „Остров сокровищ“ какой-то...» – подумал Пес, припоминая книгу из своего далекого и странного двуязычного детства.

Солнце стояло высоко.

Пес развел пары и теперь броненосец, проворно шлепая шлицами колес, шел за стадом капюшонов на север.

Зачем шел? Пес не знал. Он просто включился в эту игру с неясным (да и существующим ли в принципе?) выигрышем, по правилам которой нужно было делать то, чего хотят капюшоны.

Штурвал корабля находился на юте, на возвышенном мостике. С точки зрения мореходства это было не очень-то удобно. Пес предпочел бы стоять за штурвалом на главной надстройке, в том самом месте, где сирхи водрузили свою культовую лазерпушку. Обзор оттуда по курсу корабля был значительно лучше.

Однако Пес понимал, чем обосновано решение сирхских архимедов. Дело в том, что устроить надежную передачу усилия от штурвального колеса на перо руля не так-то просто. Чем ближе в корме стоит штурвал, тем надежнее сцепка.

В этом архитектурном неудобстве, однако, был для Песа и приятный момент. Штурвал находился в нескольких метрах от лаза в котельное отделение. А поскольку должности штатного кочегара и капитана на этом судне были вынужденно совмещены, такое расположение значительно сокращало маршрут Песа между рабочими местами.

К счастью, топки у броненосца были достаточно приемистыми, а автоматический клапан перепуска избыточного давления – исправен.

Характер побережья, тем временем, изменился.

Скалистые горы, которые давеча Пес разглядывал, подступили к самой воде. Они дерзко вдавались в океан, образуя эпической красоты мыс.

Капюшоны явно держали курс на траверз этого мыса.

Что там, за ним? Может, столица сирхов с небоскребами из бамбука и глинобитными автострадами для паровых экипажей? А может, секретная база чоругов, которые, чем черт не шутит, давным-давно наладили контакт с капюшонами как собратями по исходной среде обитания? Хотя, если сравнивать анатомию, со стороны чоругов было бы логичней дружить с дварвами. «Так сказать, клешня в клешне...»

В одну из немногих свободных от насущных мореходных хлопот минуту Пес обратил внимание на то, что колер морской воды также разительно изменился.

Если раньше океан казался черно-синим, с редкими промоинами голубого и лилового, то теперь вода приобрела цвет старой, с прозеленью, бирюзы. Стало мельче, кое-где даже можно было разглядеть дно, над которым ходили упитанные косяки серебристых рыб.

Из-за мыса дул сильный ветер, неожиданно теплый, даже какой-то пахучий. Причем пахнул он вовсе не дохлой рыбой и йодом, а... нектаром? тяжелой сладостью цветущих деревьев?

Пан Станислав с наслаждением раздул ноздри, вбирая в легкие этот благоуханный ветер.

Он с опаской косил влево, на каменные банки в белопенной вате, которые, как поросята свиноматку, окружали зазубристый мыс.

Не имея ни малейшего представления о местной лоции, Пес старался держаться строго за флотилией капюшонов. Уж эти-то фарватер знают.

Вот все они начали забирать вправо и Пес сразу же отрепетовал их маневр. Как ни странно, броненосец сирхов показывал завидные мореходные качества. Он хорошо лежал на курсе, держал удар боковой волны и отлично слушался руля.

Покачиваясь, мыс пополз или, как говорят на флоте, «покатился» влево.

Открывшаяся в зыбком мареве панорама Песа впечатлила.

За мысом лежала обширная лагуна. Дальний берег ее сплошь зарос деревьями – эту породу Пес видел на Фелиции впервые. Высокие, гладкие, как будто пластмассовые стволы, змеящиеся синусоидами ветви, мясистые глянцевиные листья-сердца. «Опушка» леса уверенно наплывала на лагуну – первые ряды деревьев стояли прямо в воде, а их корни, зеркальные отражения ветвей, враспырку торчали над приплеском.

Всё это буйно цвело и благоухало.

Вокруг соцветий – пышными эдемскими гроздьями они свисали с изгибающихся ветвей – вились мириады пестрых бабочек и тучи насекомых поскромнее.

«Сволочи! Ну кто просил их закрывать Фелицию для колонизации? Подумаешь, сирхи! Какой курорт мог получиться! Да Чахра померкла бы! Понастроили бы отелей... Бассейнов нарыли... Бары на пляжах... Танцплощадки... Морелечебницы... И сирхи бы не пропали... Работали бы барменами... уборщиками... да хоть бы и аниматорами! Так и вижу рекламный буклет: „Навруз на планете говорящих котов!“ Эх...»

С райским благообразием лагуны резко контрастировала грязно-черная дамба непонятного происхождения. Она тянулась от южного мыса к вылизанному волнами каменному лбу на противоположном северном мысу.

Неровный верхний край дамбы выходил из воды метра на два-три. Его поверхность была покрыта крючковатыми наростами, каждый толщиной в руку, и наросты эти топорщились в разные стороны подобно беспорядочному частоколу первобытных поселений. Кое-где в дамбе имелись черные отворы, сквозь которые с тихим журчанием ходила вода – с их помощью лагуна сообщалась с океаном.

Примерно на один кабельтов мористее дамбы, от южного мыса в море вдавалась массивная, изогнутая дугой каменная банка. Волны с неожиданным остервенением избивали хаос

серо-красных обломков словно бы стремясь смести, уничтожить эту инородную деталь пейзажа.

Затон между банкой и дамбой, перегораживающей вход в лагуну, был сплошь затянут неопрятными клочьями ржавой пены и завален мусором – плавником, палой листвой.

Пес вдруг обнаружил, что капюшоны, которые подвели его почти вплотную к этой неприглядной банке, куда-то исчезли.

Бросив взгляд в сторону моря, Пес обнаружил, что плавучие гнезда оказались вдруг значительно дальше, чем он ожидал.

Привыкший повторять все маневры капюшонов инженер отдал сам себе приказ «право руля».

Корабль начал входить в циркуляцию, когда банка по левому борту ожила.

В первую секунду Песу показалось, что сами камни вдруг обрели способность двигаться.

А в следующий миг его сознание захлестнула обжигающая волна ужаса: через банку ползла шеренга дварвов, да каких крупных!

Пес оторопел.

Доски кормы зловеще хрустнули. Движение судна замедлилось.

Толчок. Еще толчок.

Инженер оглянулся.

Над кормой возвышался дварв. Одна пара его клешней пробила насквозь толстенную транцевую доску и намертво застряла в ней. Вероятно, подтянувшись на клешнях, дварв сумел выбраться из воды и, навалившись всей тушей на медные крючья, которыми трусливо оброс броненосец, сдуру сам себя ранил. Должно быть, не смертельно.

Вторую пару клешней тварь выбросила далеко вперед и теперь они, словно две исполинских алебарды, рубили палубу вокруг площадки с гранатометом.

В один великолепный прыжок Пес распрощался с ходовым мостиком.

Бросился к левому борту. Обеими руками вцепился в тяжелый пулемет «Ансальдо-47», с ощутимым усилием развернул его железное тулово на корму.

Первый цинк патронов он выпустил почти не целясь, не думая о перегреве ствола, вообще ни о чем не думая.

Грохотало так, что Пес с непривычки оглох.

Но зато и от дварва осталось немного.

Двухсотграммовые разрывные пули буквально измололи в крошево хитиновые брони страховидного морского жителя. Разрезали его надвое, начетверо.

Останки дварва сползли с кормы и плюхнулись в воду. Осталась лишь одна клешня, вертикально воткнутая в палубу.

Но праздновать победу было рано.

Инженер заспешил к водруженному на корме гранатомету. Как хорошо, что еще позавчера он не поленился поднять из трюма ящики с боеприпасами к нему!

В гранатомет им была предусмотрительно заправлена лента с осколочно-фугасными.

Пес выставил на прицеле дальность и прильнул к окуляру.

Дварвы, переваливающие каменную банку, уже готовились спрыгнуть в воду чтобы плыть к броненосцу. Песу удалось опередить их на считанные секунды.

Мощно содрогаясь, его орудие посылало дварвам гранату за гранатой.

Прямые попадания, правда, были редки. Но даже близкого разрыва хватало, чтобы искалечить дварва или на время дезориентировать его.

Отстреляв ленту, Пес принялся заправлять следующую. За это время не меньше трех монстров успели скрыться под водой.

Еще пара ударилась в бегство к дальнему краю банки.

Полдюжины остальных можно было считать выведенными из строя.

Без особой надежды на успех Пес расстрелял две с половиной ленты в воду вокруг броненосца. Естественно, ему хотелось думать, что где-то там, в пучине, дварвы получают достаточно сильную контузию, чтобы оставить надежду сквитаться с двуногим пришельцем. Но когда сразу три дварва вынырнули в нескольких метрах от борта, он не удивился.

Инженер выпустил последние гранаты в их сторону, но не попал – дварвы находились в мертвой зоне, ниже ствол гранатомета уже физически не опускался...

Пришлось вернуться к пулемету.

Он успел всадить в ближайшего дварва от силы двадцать пуль, когда «Ансальдо» громко кашлянул, конвульсивно содрогнулся и замолчал.

В тот же миг в полуметре от плеча Песа пронеслась шипастая клешня. Чудом не задев инженера, дварв рубанул по треноге пулемета.

С пугающей легкостью та сорвалась с креплений и, перевалившись через планширь, полетела в воду вместе с установленным на ней «Ансальдо».

Гортань инженера разорвал вопль первобытного ужаса.

Он ударился в бегство.

Ступени. Сумрак котельного отделения. Направо. Нет. Налево. Черт, эта кошачья миска! Давно надо было выбросить за борт!

Лаз в носовую часть трюма. Свет из узкой серповидной дыры в борту, которую Пес так и не удосужился заделать. В солнечном луче вальсируют пылинки.

«Вот! Вот он!»

Пес ударом ноги распахнул крышку ящика, принялся рассовывать по карманам ручные гранаты.

Кое-что сообразив, он вытрусил из цинковой коробки автоматные патроны, бросил шесть гранат туда. Вдруг ему вспомнилось, что автомат, тот самый, с драконом и звездой, он, растяпа, позабыл в кают-компани.

«А ведь сейчас он был бы кстати!» – с досадой подумал Пес.

Впрочем, на корму он возвращаться всё равно не собирался. А путь на полубак лежал как раз через кают-компанию.

Пан Станислав взбежал вверх по лестнице, опасно выглянул из-за края переборки.

В кают-компани дварвов не было. Но из-за деревянных стен доносились устрашающий скрежет и леденящее душу шуршание.

В два прыжка Пес оказался рядом с автоматом.

Сноровисто отщелкнул полупустой магазин. Заменял его новым.

Заодно, радуясь своей предусмотрительности, заменил и баллончик жидкого пороха.

То ли с обонянием, то ли со слухом дела у дварвов обстояли гораздо лучше, чем хотелось бы Песу.

Ближайшая к нему стена надстройки разлетелась в мелкую щепу и к инженеру метнулся пучок мягких ротовых педипальп морского монстра.

Уже на излете педипальпы хлестнули отшатнувшегося в ужасе инженера, разодрали рукав его многострадального синего свитера, счесали кожу – от локтя до запястья.

Пес взвыл.

Вместе с Песом взвыл и китайский автомат.

За какие-то три секунды это высокотемпное оружие послало в уродливую пасть врага семьдесят пуль.

Учитывая, с какой кучностью они вошли в район центрального нервного узла дварва, хватило бы и половины.

В лицо Песу брызнуло смрадное красно-коричневое мясо.

Монстр в последний раз рванулся вперед, вонзил обезумевшие клешни в крышу надстройки и затих.

При этом удара его клешнейхватило, чтобы обвалить крышу – она просела в кают-компанию. Края двух досок зацепились за выступ наверху надстройки и получилось что-то вроде пандуса.

Пес выглянул в носовую дверь кают-компании и сразу же отпрянул – там, на полубаке, ворочался еще один дварв.

Он, похоже, еще только входил в курс дела – кого хватать, куда ползти...

Пес сорвал с гранаты осколочную рубашку и швырнул ее в дверной проем.

Гренадер из него был посредственный. А потому граната ахнула в полуметре от носовой фигуры сирха, оторвав последнему горделивый спинной гребень и ползадницы.

Дварва это нисколько не смутило.

Двигаясь как бы бочком, по-крабьи, он бросился к Песу.

Тому ничего не оставалось, кроме как взбежать по импровизированному пандусу на крышу надстройки.

Пан Станислав быстро оценил обстановку.

Один дварв хозяйничал на корме. Гранатомета, к слову, уже не было на месте – тварь смахнула его за борт.

Другой монстр вцепился и клешнями, и педипальпами в левое гребное колесо. (Самое забавное, что колесо продолжало медленно поворачиваться вместе с новым грузом!)

«Курва! Он ломает мой пароход! Да как он смеет!..» – возмутился Пес, с удивлением отмечая, что при этой мысли его испуг переплавился в высокосортный всеиспеляющий гнев.

И наконец третий, тот, от которого Пес только что убежал, нерешительно перетаптывался у передней стены кают-компании, под помостом декоративной лазерпушки.

Пес принял решение и закинул автомат за спину.

С ловкостью акробата (вот что может адреналин!) пан Станислав полез на марс.

Оттуда, будучи абсолютно недосыгаемым (если, конечно, дварвы не сломают мачту), он будет видеть и держать под прицелом всю окаянную троицу.

Оказавшись на марсе, Пес без лишней суеты изучил имевшиеся в его распоряжении ручные гранаты.

Затем выставил на трех гранатах двухсекундное замедление и метнул их, одну за другой, в воду чуть позади дварва, который облюбовал гребное колесо.

Его расчет оправдался. Гранаты разорвались на глубинах в два-три метра, жестоко исхлестав монстра водяными бичами. Первых взрывовхватило, чтобы сбросить оглушенного дварва вниз. Третий пришелся в аккурат по центру панциря морского гада.

С мстительным удовлетворением Пес наблюдал за тем, как разъятая на десяток фрагментов туша дварва разбухает, разваливается, превращается в неприглядное месиво...

Тем временем «носовой» дварв сдуру перерубил подпорки, удерживающие над палубой спонсон с лазерпушкой.

Ее здоровенный ствол отвесно рухнул вниз, пробив гаду панцирь.

«Ну хоть на что-то этот металлолом сгодился!» – возликовал Пес.

Дварв в негодовании сдал назад, снес на полубаке фальшборт и, влекомый инерцией, соскользнул за борт.

Пес послал ему вдогонку две гранаты из своего стремительно тающего арсенала.

Грянули взрывы.

Фонтан воды, взметнувшийся чуть ли не до середины мачты, поднял в воздух бурую требуху и сломанные клешни.

Самым бойким оказался «кормовой» дварв.

К тому времени, как у Песа дошли до него руки, агрессор успел вскарабкаться на заднюю часть надстройки и вцепиться в растяжки мачты.

Мачта затрещала. Подалась назад.

Пес упал на живот, последние гранаты соскользнули вниз, как-то очень мультипликационно стукнув монстра по темени.

Пес поспешно разрядил в дварва полный магазин автомата. Но поскольку он был вынужден стрелять, держа автомат одной рукой, по-пистолетному, разброс пуль оказался огромным.

Да, ему удалось изрешетить дварву весь панцирь. Однако ощутимого вреда это твари не нанесло.

Дварв еще раз взмахнул могучими клешнями и мачта рухнула...

Пес, едва не размозжив голову о край рулевого мостика, полетел на покрытые зловонной слизью доски юта.

На расстоянии вытянутой руки от него подрагивали хвостовые щупальца его врага.

Судно качнулось. Последний магазин выскользнул из пальцев Песа и через проломленный транец полетел в воду.

«Неужели всё?» – с каким-то детским, ясноглазым удивлением подумал Пес.

Но нет. Оставался еще «Кольт» с четырьмя патронами.

Пока дварв разворачивался он, яростно сквернословя на фарси, пытался извлечь из-за пояса револьвер.

Оружие зацепилось за свежую прореху в подкладке и ни за что не желало повиноваться.

Призвав на помощь остатки хладнокровия, Пес всё-таки выпутал угловатый револьвер из комических тенет.

Дварв повернулся к нему пупырчатым кофейным боком. Тварь, похоже, уже заметила инженера периферийным зрением – и теперь соображала, как бы половчее...

Сухо щелкнул курок «Кольта».

На одно положение повернулся барабан.

Пес снова взвел курок и нажал на спусковой крючок.

Первые два гнезда в барабане оказались пустыми.

Выстрел прогремел только на третий раз.

И еще раз. И снова.

Дварв отпрянул.

Пес помедлил, прежде чем выпустить последнюю пулю.

«Может, себе ее оставить? Чтобы не мучиться под водой, когда начнут кушать?»

Но отважная душа Песа взбунтовалась против такого решения.

«Ну уж нет! Крайний случай – вот он! Пусть лучше эти уроды готовятся к мучениям! А у меня есть еще одна, победная пуля!»

Пес выстрелил в последний раз.

Эффект был ошеломляющим.

Дварва вынесло за борт вместе с остатками фальшборта и добела выскобленной ветрами палубной доской.

Лишь подобрав свои гранаты и отважившись выглянуть за борт, Пес сообразил, что не в последней пуле, конечно, дело.

Это два дюжих капюшона стащили дварва с палубы и, не давая тому опомниться, душили его в своих желтых объятиях.

Инженер Станислав Пес сидел, свесив ноги за корму и насвистывал колыбельную: «*Spij kochanie, spij...*»

Его одутловатое неухоженное лицо было безмятежным. Казалось, появившись сейчас дварв, он и бровью не поведет.

На Песа навалилась чудовищная усталость. Усталость немолодого уже человека, своротившего гору, а затем – еще одну.

Дрова в топках прогорели, паровая машина остановилась.

Броненосец медленно дрейфовал вдоль черной дамбы.

Но Пес и не думал бежать в котельное отделение. Точнее, думал. Думал – и всё.

Мышцы его обмякли, в голове было покойно и пусто...

Апатию Песа диалектически дополняла бурная активность капюшонов.

Когда стало ясно, что все дварвы перебиты, они перетащили свои острова-гнезда в бухточку между дамбой и той самой каменной банкой, над которой теперь роились многочисленные насекомые, привлеченные падалью – останками дварвов.

Тотчас острова-гнезда ожили. Закипела мутная водица – это из гнезд нетерпеливо бросились наружу капюшоны-младенцы.

Станным образом все они знали, что делать – покинув свое гнездо, каждый из них направлялся к одной из узких промоин в дамбе, отделявшей райскую лагуну от океана.

Возле промоин, как в дверях иного космопорта, выросли беспорядочные живые очереди. Малыши пихали друг друга своими мягкими отростками, вертелись, кувыркались, словом – шалили. Но очередь двигалась – не без помощи взрослых капюшонов. И вот уже десятки, сотни крох резвились в теплой лагуне под сенью цветущих деревьев.

«Ага... Это у них что-то вроде яслей... Тут маленьким безопасно, тепло и главное сытно...»

Как бы в подтверждение его слов первые капюшончики принялись нескладно подскакивать над поверхностью бирюзовой лагуны – завтракали...

«Что же это получается... Капюшоны расправились с могущественным врагом моими, человеческими руками? Дварвы мешали их молоди попасть в ясли и умные капюшоны придумали комбинацию из меня и броненосца, которая с гарантией негодников уничтожит? Выходит, так...»

В вихре радостной суеты на Песа никто не обращал внимания.

Но он не расстраивался. Инженер раскрыл ящик с надписью «Лазурный Берег» и принялся трапезничать...

Когда последний бутерброд с гусиным паштетом был съеден, а крошки рачительно подобраны (и тоже съедены), над палубой дугою вздыбились два дюжих щупальца.

Пес нахмурился.

«Чего еще можно хотеть от меня, заслуженного ветерана морских батальи?» – сердито подумал он.

Щупальца метнулись вниз, под воду, и, обвив кольцами какой-то продолговатый ячеистый предмет, стремительно водрузили его на палубу в полуметре от Песа.

Беспардонно звякнуло бутылочное стекло.

Щупальца удалились.

Пес присел на корточки рядом с подношением. И, сообразив что перед ним, громко загоготал.

«Пиво! Они принесли мне пиво! Сделал дело – угощайся!»

Лежа на тюфячке в прохладной тиши кают-компания с бутылкой «Жигулевского», Пес думал вот о чем:

«Получается, капюшоны знают о нас, людях в сотни раз больше, чем мы о них! Они знают, чем нас кормить, чем поить, знают что нас пугает и что мы воспринимаем как вознаграждение... Они даже умеют нами, людьми, тонко манипулировать! Подумать только – заставить человека, не щадя сил, бороться с дварвами для пользы их потомства! Будь на их месте я, представитель одной из самых развитых цивилизаций Галактики, я наверняка потерпел бы фиаско...»

Вечером того же дня Пес преспокойно сошел на берег. Никто из капюшонов не возражал.

Прошел месяц.

После Сражения у Райской Лагуны, как окрестил схватку с дварвами Пес, инженер повел свой броненосец дальше на север.

Им двигал дерзновенный порыв первооткрывателя.

Тени Магеллана, Крузенштерна и Амундсена стояли у него за плечом, когда он вел броненосец сквозь влажные беззвездные ночи.

Время от времени он причаливал, чтобы нарубить дров и запастись пресной водой для себя и для котлов корабля.

Во время этих экспедиций случалось ему видеть сирхов.

Болтливые и доброжелательные коты-хамелеоны не возражали пообщаться, благо электронный переводчик работал отменно, а зеленый пароход с исполинскими колесами неизменно производил на них впечатление.

Большинство аборигенов видели такую штуку впервые и искренне дивились честным признаниям Песа, который и не думал скрывать, что не имеет никакого отношения к постройке броненосца.

«Но как вообще можно плавать по морю? Там ведь дварвы, злые и страшные!» – по-детски искренне ужасались сирхи.

«Дварвы мне нипочем!» – заявлял Пес, исподволь наблюдая, как мордки хамелеонов уважительно розовеют.

Пес, конечно, лукавил.

Дварвов он по-прежнему опасался.

Реликтовый пулемет чешского производства и две крупнокалиберных охотничьи винтовки, которые он изрядно запыленными извлек из трюма и установил на крыше надстройки, не вселяли в него особой уверенности. Случись новое нападение, эта рухлядь едва ли поможет ему одержать верх...

Однажды, во время очередной вылазки на сушу, Пес встретил на берегу паровой экипаж – судя по конструкции, тот был ближайшим родственником его броненосца.

Ему даже удалось поговорить с сирхами, которые отдыхали поодаль, в тени раскидистого дерева-качага.

Те придиричиво рассмотрели заякоренный пароход, оплетенный радиальными морщинами водной ряби, а потом долго обсуждали его, то и дело оттопыривая спинные гребни – обсуждали глумливо и даже презрительно.

«Что за бессмысленная и бесполезная машина? – недоумевал самый крупный сирх. – Очевидно, что она ездит по морю... Но ведь ничего глупее и представить себе нельзя! Зачем ездить по морю? Ведь там нет ничего полезного!»

«Ну да... Что им, вегетарианцам, это море?.. Но тем интересней... Какими они были, те дерзновенные сирхи, что построили революционный для своего мира броненосец? – гадал Пес. – Может, обычными, средними, да только их, как и недавно меня, околдовали однажды хитрые капюшоны? И сделали так, что эгоистичные и беспечные котяры вдруг сами собой воспылали желанием помочь морскому племени своих соседей? Кто знает...»

Пан Станислав плыл на север до тех пор, пока однажды утром не обнаружил, что продрог до мозга костей даже под тремя сирхскими циновками.

Пришло время поворачивать назад, на юг.

Спустя две недели он оказался в окрестностях того самого полуострова, где началось его фелицианское путешествие. Где-то здесь, в толще вод, покоился «Дюрандаль».

Пес причалил.

Целый день он бродил по сумеречному лесу, высматривая следы пребывания человека.

О, следы имелись!

Кострища, некое нищенское подобие землянки, банки из-под консервированных ананасов, упаковки от галет...

На опушке леса, густо заросшей цветущими ирисами, Пес обнаружил даже небольшую могилку с католическим крестом.

«Кто там лежит, интересно? Сирх? Собака? Но зачем тогда крест?»

Пояснительных надписей однако не было.

Вечером того же дня Пес обследовал северную оконечность полуострова. Он собрался было возвращаться на корабль, когда вдруг разглядел на западном берегу залива огонек.

Неужто тот самый, что манил его в самую первую ночь на Фелиции?

Его разобрато любопытство.

Утром следующего дня Пес, вооруженный трофейным ноктовизором (по совместительству также и биноклем), вернулся на свою позицию и увидел человеческое жилище.

Несколько приземистых домишек, сад, ухоженный огород...

"Биостанция «Лазурный Берег» – сообщала надпись над воротами.

«Так вот откуда капюшоны воровали для меня еду!»

Створка ворот беззвучно приоткрылась. На берег вышел сутулый крепкий бородач.

Он мрачно поглядел на море из-под кустистых бровей, зевнул в ладонь и, быстро выкурив сигарету, медвежьей походкой вернулся за ворота.

Походка эта показалась Песу смутно знакомой...

«Эстерсон?.. Ну конечно, старина Роланд! Как я мог его не узнать?!»

Через некоторое время Эстерсон вновь появился на берегу в обществе высокой стройной женщины.

Лицо ее было озабоченным, она всё время что-то кричала Эстерсону, похоже, они ссорились. А затем, похоже, помирились.

Пес видел, как Эстерсон и женщина тесно обнялись, и Роланд, сдержанный и несентиментальный Роланд, зашептал на ухо женщины что-то задушевное, нежно накручивая на палец локон из ее роскошной гривы.

А потом они долго стояли так, не размыкая объятий. Судя по лицам, они были счастливы.

Пес выключил ноктовизор и поковылял к броненосцу.

Еще месяц назад он, Пес, ликовал бы, обнаружив живым и невредимым инженера, на соблазнение которого он потратил не один месяц своей жизни... Он, прежний Пес, сейчас же бросился бы туда, на биостанцию. Наврал с три короба, закрутил интриги, в общем, рано или поздно он всё равно отнял бы Эстерсона у женщины с красивым строгим лицом и увез его прочь с «Лазурного Берега». Что бы он делал дальше – Пес толком не знал. Но приложил бы все усилия к тому, чтобы рано или поздно в укромной бухте или на потайной посадочной площадке приземлился гидрофлутгер «Сэнмурв». Он доставил бы их с Эстерсоном на звездолет, высланный за ними к Фелиции, а тот отвез бы их напрямиком в город Хосров, планета Вэртрагна.

Ах, Эстерсона заждались в городе Хосров... Там для него давно готовы все условия! Ведь заотары Благое Сопещания уверены, что истребитель, который построит для них ашвант Эстерсон, превзойдет все ранее известные боевые машины, и даже «Дюрандаль», блистательный «Дюрандаль».

Но это прежний Пес. А нынешний...

Что-то в нем перегорело. Пес смутно догадывался, что перемена эта выросла из его жизни с капюшонами, что она связана с этим морем, с обновленным именно здесь, на Фелиции, пониманием слова «свой», с осознанием относительности понятия «чужие» и абсолютной ценности добра... Но додумывать эту мысль до конца пану Станиславу было лень.

Он раскопегарил паровую машину и взял курс на юг.

Вертолеты появились в полдень.

Они летели с севера и прежде, чем Пес их услышал, успели подобраться к пароходу довольно близко.

Сквозь стук паровой машины пробилось чужеродное тархтение. Когда инженер наконец обернулся на звук, он увидел две остекленных морды – они почти сливались с солнечными бликами на гребнях высоких волн.

Инженер бросил штурвал, опрометью взбежал на надстройку.

Прикосновение нагретого солнцем плечевого упора чешского пулемета показалось ему приятным.

Он наметанным глазом отмерил дистанцию до винтокрылых хищников. Прицелился в правого.

«Эх, не помешало бы сейчас стадо капюшонов... Авось и повоевали бы на равных...» – с печальным вздохом подумал инженер.

Пилоты, словно перехватив его мысль о капюшонах, поспешно бросили вертолеты вверх.

Машины расходились в стороны, беря броненосец в клещи.

Эти вертолеты были посерьезней легкого Н-112, с которым расправились тогда капюшоны. У них имелись кургузые крыльца, увешанные ракетами и пулеметными контейнерами.

Контейнеры с тихим щелчком повернулись, Пес обнаружил себя под прицелом двенадцати стволов.

"Чудесно... – со злым азартом подумал инженер. – Мучиться долго не придется... И, кстати, хорошая эпитафия выйдет: «Разорван в клочья корпоративной охраной концерна „Дитерхази и Родригес“...»

Пес неотрывно сопровождал стволом пулемета тот вертолет, который заходил с левого борта.

Вот сейчас покажется белая надпись «HERMANDAD» и можно будет стрелять.

И надпись показалась.

«ВОЗДУШНЫЙ ПАТРУЛЬ»

Пес дважды перечитал ее. И лишь на третий сообразил, что надпись не на испанском. На фарси.

Инженер отпустил рукоять пулемета.

Отступил на два шага назад.

Вначале он хотел по привычке поднять руки вверх. Но затем, сообразив, скрестил руки на груди, уложив ладони на плечи – так сдаются пехлеваны.

– Убедительно просим выбросить оружие и лечь лицом вниз! – выплюнул в мегафон угрюмый мужской голос.

«А выговор у него мягкий, нестоличный... Похоже, парень родом из Севашты, края тысячи злаков, – подумал Пес. – Земляк.»

Ноябрь – декабрь 2007

От автора

Мне нелегко говорить о повести «Дети Онегина и Татьяна» из-за опасения нанести ущерб ее обаянию не слишком удачным вступлением. Но деваться некуда. Первоначально повесть была написана для антологии современного рассказа «Облик России будущего». Антология задумывалась программная, ее создатели сулили небывалые гонорары, прельщали переводами на иностранные языки и предрекали потенциальным авторам, сплошь писателям-фантастам, славу и почет далеко за пределами фантастического околотка.

Меня всегда живо интересовали слава и гонорары, и все же я согласился написать для антологии по другой причине: беспризорный сюжет, мучивший меня не один месяц, к тому времени вполне созрел и был готов перебраться из головы на бумагу. Этот сюжет имел самое непосредственное отношение к будущему России. Вращался он вокруг главной влюбленной пары русской литературы – Евгения Онегина и Татьяны Лариной.

На самом деле, повесть посвящена не столько пушкинским героям, сколько их проекциям или, если выразиться грубее, по-школьному – восприятию оных фигур сторонним наблюдателем. Ведь Онегин и Татьяна, как Чапаев и Петька, давно вышли за пределы собственно литературного мира и шагнули в мир архетипов, обратившись непроявленным сном многих поколений начитанных девочек и мальчиков.

Повесть «Дети Онегина и Татьяна» я написал по своим меркам достаточно быстро – за месяц. Втрое больше времени я потратил на то, чтобы довести ее, как сказали бы в мире компьютерных игр, «до релиза». Хотелось, чтобы линии и пунктиры сплетались в единый смысловой узор, причудливый, но правдивый и поучительный. Чтобы за выдумками отчетливо проступало Самое Важное.

К настоящему моменту эта повесть выдержала уже семь изданий и получила премию «Филигрань» от жюри профессиональных критиков.

Дети Онегина и Татьяны

Новелла первая

Апрель 2015 г.

Москва, Россия

Случается, весна в апреле похожа на лето. Откуда ни возмись пыль, жарница, сквозь прорехи в клейкой листве – солнце, уже по-летнему настоящее, термоядерное.

Народ в конторе еще одет по-зимнему, все потеют и пыхтят, но кондиционер никто не включит – наслаждаются навалившимся теплом, мазохисты.

Это время года Чистилин, менеджер по внешним программам концерна «Elic Entertainment», производящего игры для PC и видеоприставок, ненавидел особенно люто.

В апреле в человеке, как трава, прорастает человеческое. Нафиг никому не нужно, кстати сказать.

Чистилину шел тридцать второй год. Выражение его бледных серых глаз писатели девятнадцатого века непременно называли бы разочарованным. Два века спустя оно звалось серьезным.

Только что Чистилина вызвали в кабинет директора. И теперь он вроде как спешил.

Проходя мимо стеклянной выгородки главного бухгалтера Таисы, Чистилин послал Таисе воздушный поцелуй. Бухгалтер сделала вид, что смутилась.

В конторе Чистилин слыл донжуаном. Создание этого образа заняло несколько лет – цветы на Восьмое марта всем женщинам, включая горбунью-уборщицу, костюмы и рубашки из пустынно-прохладных магазинов, где у кассы никогда не толпятся, таинственное, мягкое выражение глаз, взволнованная речь – теперь оставалось только работать на его поддержание.

Зачем работать – другой вопрос. Его Чистилин предпочитал себе не задавать.

Он улыбался, но улыбка выходила озабоченной, почти озлобленной. Это заметил даже близорукий пиарщик Славик. Только что дверь директорского кабинета закрылась за его хилой спиной и теперь, с чувством исполненного долга, Славик направлялся к кофейному аппарату, на ходу закатывая рукав полосатой рубашки – вот сейчас суставчатая лапа аппарата протрет спиртом белый локтевой сгиб, вопьется в вену Славика тончайшее стальное жало, а дальше – нервическая бодрость, на два часа тридцать две минуты. По действию то же самое, что чашка двойного растворимого, разве что без свинцового вкуса во рту. По стоимости же одна инъекция как бокал «Bourgogne Passetoutgran», а сама корейская машина – ценой в двадцать банальных кофейных автоматов.

«Но офис без такой не стоит, как село без праведника!» – любил повторять директор.

– Ты чего, Чистилин, не спал сегодня?

– Да нет вроде.

– Выглядишь так себе. Как говорят в Пиндостане, shitty, – со смешком сообщил Славик и добавил, уже полупшепотом. – Капитан сегодня это... в креативном настроении.

Чистилин благодарно кивнул Славика, ощущая, как напряглось все – от глотки до ануса.

Директор, предпочитавший, чтобы его звали Капитаном, был редким гостем в «Elic Entertainment». Точнее, в его московской штаб-квартире.

Обычно он рыскал по выставкам, гейм конвеншнз и курортам. А когда надоедало, разъезжал с инспекциями по провинции, где находились студии, взятые на финансовое довольствие.

Персонал трепетал перед Капитаном. Сам же Капитан ни перед кем не трепетал, кроме загадочного и географически удаленного Совета Учредителей. Его Чистилин представлял себе чем-то вроде масонской ложи в стиле паропанк.

За семь лет работы в конторе Чистилин успел усвоить: раз Капитан появился в столице, значит его переполняют дурные творческие думы.

– Ну что, Андрюша, располагайся... Чай вот, суматранский, с экстрактом тестикул летучей мыши, попробуй обязательно, – в начале разговора Капитан всегда брал приветливый запа nibратский тон. Наверное, чтобы означить левый край эмоционального диапазона беседы. На правом располагались истерические вопли с метанием в стену бронзового письменного прибора.

– Спасибо, Александр Витальевич.

– Опять? Мы же договорились – просто Саша.

– Забыл. Извини.

– Так что, делают нас япошки? – спросил Капитан, складывая руки замком на затылке.

Речь шла об успехе японской многопользовательской RTLS «Fields of True Feelings». За неделю со дня открытия – триста миллионов подписчиков по всему миру.

RTLS значит Real Time Love Strategy. Это когда «обнимитесь миллионы», в смысле, платишь деньги и обнимаешься, предаешься чувствам – бодрящим, возвышающим душу и электронно безопасным. Знакомишься, любишь, расстаешься, все дела.

«Но триста лимонов за неделю это круто. Особенно учитывая цену абонемента – четыре тысячи пятьсот рэ в месяц. Простые арифметические расчеты показывают, что при стоимости разработки...»

– Делают. А вот еще – вы слышали, то есть я хотел сказать, ты слышал, итальянские хлопцы в июне запускают штуку такую... «Love over Gold». На движке «Juliette». Есть инсайдерский слив, что предварительных заказов вдвое больше.

– Что еще знаешь?

– Русских среди подписчиков меньше процента.

– А в «Полях» этих ниппонческих сколько наших?

– Около того же. Не нравятся русскому человеку чувства. И слава богу, – отвечал Чистилин. – Мы воевать любим.

– Ты не прав. Русскому человеку нравятся чувства.

– ?

– Не смотри на меня как на тяжелого больного. Нравятся-нравятся.

– Данными продаж это не подтверждается... – Чистилин вежливо стоял на своем. Он знал: Капитан не любит откровенных подхалимов, ему нужны «люди со своим мнением». – Продажи по лавсимамам мертвые, затраты на локализацию еле отбиваем. Не только у нас, кстати. Ребята из «1С» недавно плакались – у них тоже еле-еле. Какие нафиг тут чувства? Нам их и в жизни хватает, – уверенно сказал Чистилин, стараясь не думать о том, что, если не считать редких проституток, в последний раз он целовал женщину на первом курсе института.

– Просто русскому человеку нужны русские чувства, – сказал капитан таинственно.

– Вероятно... Вам виднее. И... что?

– Будем делать русское.

– RTLS?

– Да ты что! Не потянем пока. Начнем с адвентюры.

– Придется купить тайтл... – Чистилин сразу подумал про сериалы. «Спросить у мамы: пусть расскажет, что сейчас крутят». – Но тайтл – это сразу вложение.

– Обойдемся.

– Без тайтла как-то... страшновато. Большой риск.

- Тайтл будет.
- Бесплатных тайтлов не бывает, Александр Витальевич. Саша.
- Бесплатные тайтлы называются классикой, Андрюша. Чему тебя только в твоём институте учили?
- Моделированию космических аппаратов.
- Ах, черт, со Славкой перепутал, это ж он в пиарно-популярном учился... Лучший топ-лист бесплатных тайтлов находится в оглавлении школьной хрестоматии по русской литературе.
- «Война и мир»? – попробовал угадать Чистилин.
- Опять ты со своей войной? Милитарист...
- «Преступление и наказание»?
- В жопу, – нахмурился Капитан. – Трудящимся не нужны такие чувства. В нашей таргет-группе процент садомазохистов, включая латентных, не превышает четырех с половиной. А процент находившихся под следствием в семь раз выше среднеевропейского. Так что ни к чему эти ассоциации – наказание, обрезание...
- Тогда не знаю... Ну, «Прощай, немытая Россия!».
- Политики нам только не хватало! Господи, помилуй, – Чистилин основательно перекрестился. Чистилин знал – Капитан происходит из староверов, даже посты вроде бы соблюдает, не прочь блеснуть старинным словцом. Такие детали освежают биографию всякого рвача на радость составителям некрологов. – Но тепло уже. Тепло. Лермонтов... А где Лермонтов там и... кто? Напряги извилину, товарищ менеджер!
- «Я помню чудное мгновенье», – вспомнил Чистилин.
- Однажды маленькому Андрюше задали выучить «Мгновенье» наизусть, но мать работала в универсаме во вторую смену, а он отчаянно заигрался в «Doom», да так и заснул, носом в «пробел», а когда проснулся на заплывшей щеке розовели отпечатки клавиш и мимолетные виденья были не те, и не про то, и нерифмованные...
- Тепло. Нет, горячо!
- Пушкин... – робко проблеял Чистилин.
- Точно!
- «Евгений Онегин»?
- Умничка.

- Короче говоря, пиши: «Глава первая».
- Написал.
- Убей. Не глава, а миссия. Миссия один, локация один. Типа... «Знакомство с Онегиным». Нет, лучше «Онегин едет к дяде». Вяло как-то... Ну едет он – и что?
- Едет на почтовых! – вспомнил Чистилин.
- Его бабушка работала учительницей чтения и письма в интернате для умственно отсталых, дома любила декламировать то, что осталось невостребованным на работе. Ее стараниями кое-что пушкинское спрессовалось на дне захлавленного трюма Чистилинской памяти. Это нечто предстояло сейчас из трюма поднять. Капитану было не в пример легче – он держал перед глазами третий том сочинений поэта, изданный в 1957 году Государственным издательством художественной литературы.
- Кстати, что такое эти почтовые, не знаешь? – неприязненно осведомился Капитан.
- Вроде как там у них были разные станции, где почтальонам меняли лошадей, и другим путешественникам тоже. Три часа чувачок едет на одних лошадях, потом доезжает до почтовой станции, там ему в карету запрягают других, отдохнувших. Так быстрее.
- Он что, в карете, получается, едет?
- Получается.

– Нафиг. Пиши. Онегин едет верхом на лошади. Белой. Поскольку кареты эти не смотрятся ни фига.

– Смотря как сделать. Если цугом двенадцать лошадей...

– Кем? – Капитана, как видно, смутило слово «цуг».

– Цугом. Это когда лошади парами, а пары – одна за другой. Вот французы во второй «Madame Bovary» такое заюзали – очень ничего, анимация движений толковая. Вообще богато смотрится.

– Нам бы их бюджет, у нас бы цугом даже комары летали...

После этих слов Капитана понесло жаловаться – вот, де, выросли налоги, потребитель стал переборчивым и вялым, и, кстати, со стороны правительства никакой поддержки, хотя геймдев это ведь тоже искусство, как торговля или, к примеру, спорт.

Капитан говорил так увлеченно, так страстно, будто в кресле перед ним сидел не Чистилин, который давно и прочно в курсе, а полудурошный с приплюснутым лицом корреспондент монгольского журнала «YurtaDigital», которому только наливай. Чистилина это, конечно, раздражало. Как и то, что Капитан решил экспромтом «накидать» контуры будущего проекта, невзирая на обеденный перерыв. Еще и настоял, чтобы Чистилин вел стенограмму, как какая-нибудь секретарша, вместо того, чтобы просто включить диктофон.

– Опять отвлекаемся! – как будто очнувшись, воскликнул Капитан и вновь вперился в книгу. – Едет он, значит, на белом коне. Тем временем дается инфа. Вроде досье или что-то такое. Онегин Евгений... Кстати, ты отчества его не знаешь?

– Кого?

– Онегина.

– Да откуда? – цокая клавишами, спросил Чистилин.

– Тогда пусть будет пока Александрович, хе-хе. Онегин. Сын миллионера и... актрисы балета.

«...и артистки балета» – простучал Чистилин. Каждая минута общения с Капитаном улучшала его мнение о собственной образованности. Но ухудшала нечто вроде глобального настроения – которое меньше мироощущения, но больше настроения конкретного дня.

– Онегин по профессии экономист. А по призванию – пикапер, как учит нас дорогой Александр Сергеевич. И это правильно... Контингент от пикаперства, я извиняюсь, кончает. Я имею в виду от самой концепции. Можно дать такие еще флэшбэки, как Онегин вспоминает, кого он и как... ннэ-э-э... соблазнил.

– Значит, мувики пойдут?

– Да. Ты, кстати, имей в виду: максимум три мувика на миссию. Меня за перерасход Совет убьет и съест.

– А что будет в мувике этой миссии?

– Тетеньки будут. Чтобы было понятно, что Онегин – он опытный в этих всех делах. В чувствах. Вот он едет-едет, значит... – бормоча, Капитан перелистывал охряно-желтые, отчаянно пахнувшие прогорклым маслом и неведомой старушечьей квартирой страницы, пытаясь на ходу вникнуть в ход действия, – едет-едет... через какой-то бал что ли проезжает...

– Прямо на коне?

– Через театр, потом через бал какой-то... Насчет ножек я, кстати, согласен, кривые ноги у русских женщин, правда, не только у наших, у тех тоже кривые, особенно у норвежских... Вот, чувства пошли... записывай: «Рано чувства в нем остыли; ему наскучил света шум»... Нет, не записывай, это флуд какой-то, ты когда-нибудь слышал, чтобы лампочка шумела? И в итоге Онегин приезжает... в деревню... прямо на похороны дяди... И вот... Спасайте, православные!

– Что?

– Конец главы.

– Александр Витальевич... Саша... А может ну его нафиг?

– Да ты что?! Золотая жила!

– Я про главу. Может сразу со второй? Просто событий я как-то не вижу. Вы же сами любите повторять, что мы должны ориентироваться на каузального игрока. А тут... Тут вообще нет каузального потока! Геймплея нет! По-моему, начинать надо с того места, где этот второй парень... Ленский... появляется. Кстати, я тут подумал, Ленским, если его толково задизайнить, можно будет привлечь меньшинства. При продвижении продукта на европейский рынок.

– Пидоров? Правильно, подумаем. Точнее, пусть «Ubisoft» думают, это их головняк. Но начинать все равно придется с первой главы.

– Но почему?

– Потому, что есть такая организация – Министерство культуры и образования.

Это заявление прозвучало довольно неожиданно. Чистилин привык, что Капитан показательно не интересуется ни властью, ни политикой, ни структурами государственного управления. Весь страх и трепет Капитан инвестировал в свои отношения с Советом.

– Бабосов выделяют? – предположил Чистилин.

– То, что они выделяют, это не бабосы. Но с пиаром помогут – культуру, дескать, в массы, русскую классику – детям, и далее по списку... Я тут наперед говорил с одной волшебной женщиной, Илоной Феликсовной, – Капитан мечтательно закатил глаза к потолку, как делал всякий раз, когда заходила речь на курортно-ресторанную тему. – В общем, надежды есть. Но там условие понятно какое. Чтобы было близко к тексту. Ну хотя бы на количественном уровне.

– Это как – на количественном?

– Ну, формально. У Пушкина героев двое – и у нас двое. У Пушкина восемь глав – значит у нас должно быть восемь миссий.

– Ага.

– И портрет Пушкина на обложку джевелы надо где-нибудь затулить. Ну или хотя бы на коллекционное издание.

Чистилин представил себе, какое лицо сделает Славик, когда узнает, что на кавер дивидюка вместо длинноногой срамницы в стилизованном под девятнадцатый век кружевном чепце пойдет поэт Пушкин, похожий на загорелую овцу, и невольно скривился.

– Можно ограничиться вкладышем, – пошел на попятную Капитан.

– А с сюжетом что? Тоже строго по тексту?

– Придется выкручиваться. Чтобы и события, и чувства. Может быть, с Ольгой что-то нужно замутить посерьезней... Чтобы острее было. Тогда дуэль у нас получится не просто так, вялая разборка двух интеллигентов, а типа мясная сцена. Один взбешенный самец месит другого. Рвет его в клочья! В хлам! Шинкует его, как капусту нах! Массакр! Убирайся обратно в ад, исчадие хаоса! – глаза Капитана заблестели. Чистилин подозревал, будь на все воля Капитана, их контора производила бы исключительно фэнтези-шутеры повышенной кровавости. К счастью, Совет не давал Капитану забыть о насущном. – Только представь, какую лялечку можно сделать в миссии, где дуэль с Лениным... тьфу, Ленским! На выбор оружие, вариантов десять. Обязательно запиши, чтобы стрелять можно было с двух рук.

– По-македонски?

– Да. Так вот оружие... Отдельно огнестрельное. Отдельно холодное. И магическое.

– Магическое?

– Наверное ты прав. Без магического обойдемся. Илоне Феликсовне не объяснишь, зачем Онегину файерболл.

«Онегин с берданой, Татьяна – с катаной. Стишок.»

Плюшевые синие апрельские сумерки за окном перешли в ночь. На улице зажглись фонари. Из окна директорского кабинета можно было рассмотреть группку 3D-моделлеров,

ожидающих маршрутку по ту сторону шоссе. Выражение лиц разобрать было трудно, но Чистилин догадывался – на них застыло привычное отвращение к труду.

Между тем они все сочиняли.

Капитан снял пиджак и откинулся на спинку кресла. Чистилин же, из последних сил изображавший живчика, тихонько стянул тесные туфли и водрузил ступни сверху. Пальцы ног, согбенные и бледные, как уродцы Виктора Гюго, радостно вспотели.

Держа над пепельницей полуоблетевший окурок, Капитан диктовал сухим, ослабевшим голосом, из-за чего его речь слегка походила на бормотание умалишенного.

– ...Миссия три. Название... «Письмо Татьяны» – как-то простовато... А вот как тебе «Откровения и Страсть»? По-моему ничего. Записывай. Настроение миссии: тревожно-эротическое. Локация три-один. Сад. Описание локации «Сад». Пейзаж выполнен в традициях русской садово-парковой архитектуры девятнадцатого века. Имеются статуи обнаженных греческих богинь, аллеи, фонтаны (см. сеттинг «Петергоф»), а также скамейка. В локации присутствуют: Онегин, Татьяна, девушки.

– Какие еще девушки?

– Да тут вот... появляются... Они собирают в саду малину и поют песни... – вода пальцем по книжным строкам, сообщил Капитан. – В принципе, девушек можно скипнуть. Возни с анимацией много, толку мало, разве если полуодетые.

– Подумаем еще.

– Дальше. В начале сцены Татьяна сидит на скамейке. Возле скамейки вываливается хинт, для самых одаренных: «Клики здесь». Если кликнуть по скамейке, Татьяна встанет и пойдет на аллею, где ее ждет Онегин. Кстати, переодеть его нужно после второй миссии. Вы одежду модернизируйте малость, мы же не исторический фильм по госзаказу снимаем. Нужно, чтобы потребитель мог легко идентифицироваться. Вот, значит, встречаются они и начинают... начинают... – Капитан рывком перелистнул страницу, чтобы узнать, что же произошло потом, но, узнав, застыл в нерешительности. – Гм... – задумчиво произнес Капитан. – А ведь это знак! Александр Сергеич прав!

– В смысле?

– Да вот послушай, что он тут пишет:

"Но следствия нежданной встречи
Сегодня, милые друзья,
Пересказать не в силах я;
Мне должно после долгой речи
И погулять, и отдохнуть.
Докончу после как-нибудь."

– Все равно не понял, – признался Чистилин. – В чем прав-то?

– Что надо погулять. И отдохнуть... Мы сегодня славно потрудились, по-моему.

– Еще бы, сорок тысяч знаков, не считая пробелов!

– И сигареты вышли...

Покупать в корпоративное пользование бывшие советские детские садики вошло в моду в начале девяностых.

Дети как социальная страта остались навсегда в государстве рабочих и крестьян, демографический буерак смутного времени превратил их в выделенных субъектов культуры, так сказать, в «новых русских ребенков». Садики этим ребенкам-нуво были не нужны, как не нужны именитым алмазам склады-алмазохранилища.

Логичным образом во второй половине «нулевых» владельцы крупных фирм, обремененных офисным персоналом, принялись приобретать здания бывших советских школ. В одном из таких зданий, до неузнаваемости облагороженном смуглыми турецкими парнями и красной металлочерепицей, располагался и «Elic».

Кружевные створки чугунных ворот закрылись за Чистилиным и Капитаном, пробуровил что-то прощальное охранник, они оказались на улице.

– Пойдем, что ли, пива выпьем?

Чистилин кивнул. К предложению он был внутренне готов, хотя в компании подчиненных любил повторять «Кто пьет пиво, сам становится пивом» и кичился любовью к чилийским винам средней паршивости.

Однако в заведении «Акулина», куда они направились, не было свободных мест. Вечер пятницы!

За одним столом юбилей, за другим – мальчишник наполоам с производственным совещанием, в полутемных углах тет-а-тет, и даже на веранде, уже по-летнему заставленной столами, тостующие и жующие! Это взбесило Чистилина – в таком никчемном заведении, каким, по его мнению, являлась «Акулина», обязательно должны быть свободные места, как на Новый год должна быть елка, а в Киеве – дядька.

Перешли через дорогу. Но фастфуд «Новгородский» тоже оказался оккупирован малолетними пивнюками и их писклявыми подругами.

Углубились в микрорайон. Подвальный гадюшник «Этуаль», с честью пронесший знамя кооперативного кафе конца восьмидесятых через два штормовых десятилетия, был темен и тих. Днем его опечатал бдительный Саннадзор, о чем свидетельствовал бело-красный скотч, которым двери были заклеены по периметру. Чтобы нарваться на рейд Саннадзора в терпимые времена Чистилина и Капитана, нужно было с упорством маньяков потчевать клиентов икрой из крыс и супом из собачьих залуп.

Других заведений с алкоголем в окрестностях школы Чистилин не знал.

Конечно, можно было взять такси и рвануть из Митино в цивилизацию. Например, в центр французского землячества, неуклонно растущего с памятного 2005 года. Кормили там сытно и по мотовским меркам недорого. Вдобавок за столиками возле бронзовой статуи Уэльбека всегда пестро от юных француженок, которые воркотливо обсуждают друг с дружкой своих русских гарсонз. Заслушаешься...

Но, наблюдая за Капитаном, Чистилин понял – тот не желает к французам, не желает к японцам и цыганам. Ему подавай настоящую экзотику.

День, начавшийся для Капитана позабытым пафосом мозгового штурма, должен был закончиться чем-то столь же необычным.

Поэтому когда Капитан приобрел в продуктовом пачку «Парламента» без фильтра, четыре бутылки темной «Балтики» и предложил спуститься к речке, Чистилин почти не удивился.

– Сто лет там не был... А ведь я тут недалеко вырос – на Планерной. Так что, идем, да?

– Ага, – в целлофановом пакете, который нес Чистилин, веско звякнули бутылки.

Устроились на растрескавшихся пеньках, служивших некогда опорами старого деревянного моста, который, был убежден Чистилин, упоминался в классическом труде Гиляровского.

Новый мост накрыл старый, как мастиф болонку. В засушливое лето можно было видеть гребенку полусгнивших столбов, торчащую из целой воды.

В черной, не успевшей по-летнему завоняться реке отражались огни заречной улицы.

Косой свет фонаря на ближней излучине заливал испод моста и лишенную растительности отмель под ним светом, который в приключенческой литературе зовется «мертвенным».

Вверху шуршали зимней еще резиной автомобили.

Чистилин и Капитан по несколько раз отхлебнули из своих бутылок, не проронив ни слова.

Чистилину было смертельно лень возвращаться к Онегину – да ведь и ноутбук он «забыл» в кабинете. Капитан же был погружен в высокие размышления, это стало ясно, когда он заговорил:

– Ты никогда не думал, зачем это всё?

– Что – «всё», Саша?

– То, что мы делаем.

– Игры?

– Например. Что мы, по сути, делаем, когда делаем игры?

– Мы предоставляем нашему контингенту... симуляцию интересной жизни. Получаем за это деньги, – бодро сказал Чистилин, однако, быстро сообразив, что не такого, но более проблемного, что ли, ответа ждет Капитан, добавил, посерьезнев:

– Но в тоже время мы, в каком-то смысле, лишаем контингент настоящей жизни.

– А если мы не будем продавать им симулированную жизнь?

– Тогда конкуренты продадут.

– А если и они не будут?

– Корёзы точно продадут.

– А если и корёзы тоже перестанут? – настаивал Капитан.

– Ну...

– Ты думаешь, они, то есть... контингент... будут тогда жить этой пресловутой «настоящей жизнью»? Ну там, ездить на настоящих машинах, трахаться, космолеты пилотировать, я не знаю...

– Не исключено, – осторожно заметил Чистилин. – Кто-то же живет, вон в ресторане мест ни фи́га нет... И эти будут.

– А вот хуя там! Наш контингент жить все равно не будет!

– Что же он тогда будет?

– А ничего. Будет лежать и вообще ничего не будет делать. Даже дышать. Может они вообще тогда не родятся! Не воплотятся их души на земле, понимаешь? Их карма нашему слою плотного мира соответствовать не будет, и все – краями!

– Э-э-э...

– Подумай. Вначале ты хочешь выпить, а уже потом покупаешь бутылку пива. С тетеньками то же самое. С лавандосом история аналогичная. Вначале чувствуешь, что он тебе нужен – вилы! И чтобы много – ребенок родился, на ремонт надо, маме на лекарства... А потом уже начинаешь что-то такое внятное зарабатывать. Почему с играми должно быть иначе?

– Ну...

– С играми то же самое! – карие глаза Капитана влажно блестели. – Вначале ты страшно хочешь кончить на экран монитора, а потом в твоей жизни появляется лавсим. Если бы ты хотел кому-то вдуть в реале, ты бы отодрал одноклассницу на новогодней вечеринке, делов-то! Понимаешь, Андрюша, Бог дает то, что ты просишь... Просишь благодати, дает благодать. Просишь пива – пива дает, разве чуток быстрее. Только вдумайся, они реально хотят получить именно то, что получают! То есть цистерну воздуха и три вагона пикселей! Вот и Онегин наш...

– А что – Онегин? – насторожился Чистилин, открывая об торчащий из раскрошенного бетона огрызок арматуры вторую бутылку.

– Они хотят чувств. Но только... невзаправдашних. Любить желают... Но только чтобы... понимаешь... понарошку! В мои времена все было не так! – подытожил Капитан.

Как и многие, кто родился в шестидесятые и семидесятые, Капитан был склонен преувеличивать инаковость мира без компьютеров и бравировать причастностью к адскому раю под названием СССР. Лет пять назад Чистилина это скорее злило. Потом, по мере обнаружения

седых волосков в темно-русых кудрях, он и сам начал овладевать магией дискурса. В беседах с контрагентами в возрасте без этого никуда. «Мне мама рассказывала, что при Сталине...» – начинал Чистилин, хотя при Сталине его мама не была даже эмбрионом. «Вы, как когда-то Горбачев, путаете консенсус и коитус...» – бросал Чистилин собеседнику с многозначительной ухмылкой.

Капитан принялся разворачивать новую мысль, но внимание Чистилина было фатально растушёвано хмелем. Он вдруг заметил, что наклонные бетонные плиты сзади усеяны невероятным количеством мятых, желтобоких окурков и тысячами погнутых кругляшей латунного цвета – пивными крышечками.

Перед мысленным взором Чистилина встало и наполнилось жизнью видение: каждый вечер на этих самых пеньках сидят мужички примерно их с Капитаном возраста. Курят, дуют белое пшеничное и беседуют о насущных проблемах автосервиса. Щелкающим жестом большого и третьего пальцев мужички, неотличимые в сумерках друг от друга и от них с Капитаном, отпугивают окурки за спину, а опустевшие бутылки стыдливо топят, как герасимы своих муму...

Чистилину стало не по себе. Неужели жизнь – это такая же, в сущности, не уникальная штука, как и средняя онлайн игра? Только в игре ты, один из миллионов, ломишься к Замку Темного Властелина в стандартной аватаре для бесплатных пользователей, а здесь, под мостом, ты один из десяти тысяч тех, кто устроил «Балтику» между носками туфель. А что если Бог есть и он так... шутит? А что если вообще ничего кроме Бога нет? Но думать об этом Чистилину было непривычно, как, кстати, и выслушивать философствования Капитана – «карма», «благодать», «воплощение»...

«Что это с ним? В Совете кто-то буддистом заделался?»

Бутылка улькнула на дно возле бетонной опоры с надписью «цыпа и уткин литят на йух».

От воды потянуло холодом.

И Капитан, и Чистилин вдруг почувствовали, что замерзли. Остывший и оттого возвративший рассудительность Чистилин обнаружил непотребное – то, что он принял поначалу за чугунный наплыв на бетонной плите, когда укладывал сверху свой смартфон, оказалось заветрившимися экскрементами хомо сапиенса.

– А давай прямо сейчас к Илоне Феликсовне махнем? Ты как?

– Нормально, – кивнул Чистилин.

Какая ему, в сущности, разница? С польским порнофильмом «Три танкиста и собака», просмотр которого был запланирован Чистилиным на этот вечер, конкурировать могло практически что угодно.

Илона Феликсовна, казалось, ждала гостей.

В ее трехкомнатной квартире на Куусинена было прибрано, всюду горел свет. Пахло жареной картошкой.

Обстановка квартиры обличала в Илоне Феликсовне разведенную чиновницу от искусства. На это указывали фотографии молодой хозяйки дома в окружении мускулистых звезд балета и видных оперных женщин.

Преодолеть кризис сорокалетия ей, как видно, помогла эзотерика. Чванились на книжных полках фотографии лысых йогов и альтернативных целителей с ассирийскими бородами, на стенах же сияли горным светом голограммы опрятных северных храмов – Чистилин сразу узнал деревянные репы Кижей.

«Вот откуда ноги растут у кармы с благодатью!» – догадался Чистилин.

Несмотря на свой продвинутый духовный уровень, внешне Илона Феликсовна походила, натурально, на ведьму.

Сочетание безжизненных пергидрольных волос с покрашенным алой помадой ртом эстетически подавляло. Кстати, волосы Илоны Феликсовны были разобраны на центральный пробор и свободно спускались на плечи, как у работницы с рекламы шампуня против перхоти. Наводили на странные мысли и множественные металлические браслеты, которые индустриально ерзали по правой и левой рукам хозяйки, а также ее манера пританцовывать, вертя крупом, у плиты. В этих намеках на резвость было что-то тошнотворное, ведь Илона Феликсовна выглядела лет на семь старше Капитана. Слова хозяйка дома не проговаривала, но как бы выпевала грудью.

«Любви все возрасты покорны», – вспомнилось Чистилину. Почему-то он не сомневался, что Илона Феликсовна и Капитан – –.

Сели ужинать. Из спиртного имелся один лишь малиновый ликер. За неимением лучшего, Чистилин подналег на вязкую розовую жидкость, отдающую дешевым леденцом и одновременно сивухой.

Капитан тоже не отставал. С нетрезвым пылом он принялся чертить в воздухе перед хозяйкой контуры грядущего проекта.

Илона Феликсовна реагировала с неожиданной живостью :

– Я помню, когда мой Ильюшка был вот такусеньким, он целыми днями перед экраном сидел. Ему страшно нравились гонки! У вас же будут гонки в этом «Онегине»?

– Да, моя богиня, – соврал, не поморщившись, Капитан. – И на дилижансах, и на этих... как их...

– Почтовых, – подсказал Чистилин.

– И на... квадригах.

– Как-то у племянницы, она у меня в Воронеже живет, я играла в игру, забыла название. Там у меня был домик такой... И в этом домике всю мебель можно было двигать, как в жизни. Даже занавески перевешивать разрешали... На экранчике такое место было, где показывали, сколько у тебя денег, можно было машину купить... Деньги ведь у вас будут в игре?

– Конечно, моя нимфа! Можно будет продавать и покупать все, что увидишь. И флерд'оранжи, и камамберы, и канотье.

Из упомянутых предметов отдаленное представление Чистилин имел только о сыре камамбер. Тем не менее, он старательно поддакивал.

– А можно будет Татьяну... переодеть? – спросила Илона Феликсовна и зачем-то покраснела.

– Да, моя царица. Мы уже заключили договор о контент-плэйсменте с американской сетью «Victoria's Secret», бюстгальтеры будут железно.

– Татьяна у вас – она блондинка или брюнетка?

– Блондинка. Как ты, моя королева!

– О... Ах, Татьяна! – с театральным пафосом воскликнула Илона Феликсовна.

Нежданно Чистилину вспомнилась его личная, единственная Татьяна.

Она училась на коммерческом отделении, в параллельной группе. Могла бы претендовать на бюджетное, только вот молдавское гражданство... Русая, курносая, с бирюзовыми глазищами и по-южному смуглой кожей. Они целовались и даже почти все остальное, но потом у Тани кончились деньги, ее отчислили и она упорхнула в свой Кишинев. Чистилин ничего не сделал для того, чтобы было иначе. Неохота было возиться – все эти проблемы с ее гражданством, квартиру пришлось бы снимать... «Дайте мне мануал и я переверну землю!» – любил повторять первокурсник Чистилин. Мануала ему не дали, Татьяна исчезла. Он перенес свое предательство спокойно. Ел, пил, елозил мышью. Иногда, правда, наваливалась на него сверлящая душу, невыносимая какая-то боль. И тогда хотелось завывать, расцарапать себе лицо, разрезать вены, упиться до беспомыслия и по пьяни замерзнуть в сугробе. Временами он разрешал себе думать о том, что было бы, если бы тогда он не позволил Тане убежать. Занял бы денег

или женился, что ли... Теперь он утешался тем, что если и несчастлив в жизни, то исключительно по своей вине.

– Я должен полежать. Можно я полежу? – спросил Чистилин, устраиваясь калачиком на диване.

– Нужно вызвать Андрюше такси! – заметила Илона Феликсовна.

– ... а песни для озвучки мы закажем «Los Gorillas»... Сальса-ламбада... Тындырыдын... Гитарное соло, маракасы, все дела... Чем меньше женщину мы любим... Тем больше нравимся мы ей... Ай-йа-йа-йа-йа! Среди сетей! Ай-йа-йа-йа-йа! Среди сетей! – по-цыгански хлопая себя по бедрам, зажигал Капитан.

"Тем *легче* нравимся мы ей", – машинально поправил Чистилин.

– Так что, Саша, думаешь пойдет «Онегин»? – уже стоя на пороге, спросил Чистилин. Он растирал ладонями отекшее лицо. Впервые за день, а может и за всю жизнь, он назвал Капитана Сашей легко, без внутреннего принуждения.

– Не вопрос. Я пятой точкой чувствую, трудящимся это нужно. Совет, кстати, такого же мнения. Так что на твоём месте я времени не терял бы. Думал бы уже про аддоны. И про сиквел.

– Ну, с аддоном, по-моему, ясно. Что-то вроде «Ленский возвращается». А вот с сиквелом... Можно по-простому: «Онегин-2».

– Сакс, по-моему.

– Тогда пусть будет «Дети Онегина и Татьяны!» – бросил Чистилин, вваливаясь в разъехавшиеся двери лифта. – То же самое, только сеттинг обновим. Первая мировая в моду входит, я бы сразу туда и целился.

Такси, оказавшееся «волгой», в круглых очках которой рыдала тоска по утраченному лет двадцать пять назад райкомовскому эдему, ожидало его у подъезда. Чистилин уселся спереди и торопливо закурил – гнусный малиновый ликер бродил и просился наружу.

– В Орехово-Борисово, – простонал Чистилин сквозь горькие клубы табачного дыма.

Они неслись по ночным влажным улицам и шофер, которому неназванный пока наукой орган чувств, имеющийся у всех прирожденных таксистов, проституток и официантов, уже просигналил, что с пьяненького интеллигентного рохли можно содрать даже не втри-, вчетыре-дорога, радостно теоретизировал на разные жизненные темы. Чистилин не отвечал. Ему хотелось одиночества. А еще хотелось чего-то вроде любви, пусть даже такой убогой, как между Илоной Феликсовной и Капитаном. «Вот выпустил бы „Erdos“ – путевый симулятор мастурбации... я бы играл!» – подумал Чистилин, опуская свинцовые веки.

Новелла вторая

Январь 2425 г.

Планета Сурож, система Каллиопа

Научно-исследовательская станция «Федино»

По коридору космической станции, залитому желтушным аварийным светом, скорым шагом шли трое – высокий, широкоплечий витязь в кожаных доспехах и двое детей, одетых в розовые комбинезоны: вихрастый мальчик трех-четырёх лет и миловидная девочка лет десяти.

Мужчина вел за руку девочку, девочка – мальчика.

Когда стало ясно, что малыш, несмотря на все свои старания быть мужчиной, устал и не поспевает, витязь подхватил его на руки и, усадив на предплечье, понес. Девочка послушно ускорила шаг – теперь она почти бежала, прижимая пальцами к ключицам свои жидкие льняные косички.

Искоса поглядывая на девочку, витязь, его звали Рене, думал о том, что когда они опустятся на этаж ниже, в складские помещения, на руки придется взять и ее. Лестницы крутые. Лифты отключены. Помощи ждать неоткуда. Точнее, он и есть помощь. Все-таки Бог существует, что бы там ни говорили дураки.

Коммуникатор был единственной уступкой цивилизации, которую сделал Рене, во всем остальном безупречно архаичский и антуражный, хоть сейчас в тринадцатый век. «Только ради детей. Мало ли – вдруг что случится?» – твердил себе он, пристраивая серебристое яйцо умного устройства в походном ранце – между кисетом и флягой с живоносным эликсиром. И надо же, вдруг случилось. Когда позвонила Сашенька, он был недалеко от Нью-Ахена, в окрестностях которого назревало историческое побоище. Саша говорила сбивчиво («они с большими пистолетами», «кровь почему-то течет», «какой-то дым из вентилятора») и плакала так горько, что Рене ничего не оставалось, кроме как с боем захватить одноместный флуггер союзного барона де Креси, хранившийся в подземном тайнике, и выжать форсаж до упора, не думая о последствиях.

«Сеть магазинов „Зайнка“ – одежда для тех, кто хочет выйти замуж!» – на двери склада был приклеен рекламный постер с двумя курносыми девицами в нарочито скромных ситцевых платьицах – рукава-фонарики, кружевные рюши, воланы. Вид у девиц был довольный и даже блудливый, что сообщало рекламе, да и самому просвечивающему за ней замужеству, некий неожиданный игривый смысл.

Рене отдраил дверь и по средневековой привычке надавил на нее плечом. Та легко поддалась, впуская гостей в королевство контейнеров и ящиков. К счастью, после налета система-диспетчер перешла в эвакурежим и сразу же расконтрировала все двери и люки.

В ноздри ударил запах средства для травли тараканов.

– Туда ходить нельзя, дядя Рене! – предостерег мальчик. – Мама будет ругаться.

– Со мной везде можно! – заверил его витязь.

– Даже в холодильники?

– Даже в реакторный.

Троица держала путь в мобилизационный ангар, где, по мысли Рене, можно было рассчитывать на флуггер межпланетного класса. Тот, на котором он, Рене, прибыл на станцию, увы, годился лишь для челночных сообщений с Сурожем. А все флуггеры в рабочем ангаре были выведены из строя во время нападения.

Если бы на станции оставался хоть кто-то, способный рассуждать о правильном и неправильном, он наверняка отметил бы, что Рене, несмотря на свой штатский вид и развязные манеры, все делает правильно, по инструкции – не забывает заdraивать за собой двери, каж-

дый раз проходя мимо аварийной панели нажимает на кнопку «SOS», даже маски химзащиты для детей прихватил.

– Дядя Рене, а когда... мама? – спросил мальчик, его звали Даниилом, сестра же звала его Данькой.

– Что – мама? – спросил витязь, не сбавляя темпа.

– Когда к нам туда придет мама? – повторил мальчик, играя серебряной серьгой в ухе своего носильщика.

– Куда это – «туда»?

– Ну в это место... куда мы с Сашкой-какашкой... улетим?

– Что ты сказал? Как ты меня назвал? А ну-ка повтори! – взвилась девочка и, подпрыгнув, отвесила брату подзатыльник.

Мальчик надулся и попробовал лягнуть девочку ногой. Витязь посмотрел на мальчика сурово, а на девочку со значением – мол, сейчас не время ссориться. Брат и сестра тотчас присмирели – ничто так не способствует послушанию, как смутное движение в затаившейся между контейнеров темноте. Рене положил ладонь на косячную рукоять метательного кинжала, на всякий случай.

– Ты хочешь знать, когда мама прилетит к вам на Светлую? – ровным голосом спросил он у мальчика.

– Да.

– Мама... Мама прилетит скоро. Как только я ее найду там, в лесу, мы сразу прилетим к вам.

– А когда ты ее найдешь?

– Как только – так сразу. Я не знаю точно, где она. Ретранслятор не работает.

– Но я же тебе дозвонилась! – заметила Саша.

– Тебе повезло. Через несколько минут ретранслятор... – Рене запнулся, подбирая слово. Там, на планете, он говорил в основном по-французски, переходить на русский каждый раз было трудно, каждую фразу приходилось сколачивать, как какой-нибудь сарай. – В общем, он упал. И теперь я не могу связаться с мамой. Но у нее очень заметный вертолет. Медицинский. Белый, с такой большой красной полосой. Она вам его наверняка показывала. Его легко найти среди зеленых деревьев.

В темноте блеснула пара кошачьих глаз с вертикальными зрачками. Рене со вздохом облегчения вернул кинжал в ножны.

– Скоро найдешь? – поинтересовался мальчик.

– Прямо завтра и найду. Может сегодня. Вечером.

– А папа?

– Что – папа?

– Когда прилетит? – не отставал мальчик.

Витязь вновь замешкался с ответом, но на сей раз споткнулся он вовсе не о языковой барьер. Рене бросил косой взгляд на девочку – ее аквамариновые глаза наполнились слезами, но она все-таки не разревелась. Только ноздри ее трагически раздувались. «Молодец, вся в маму. А ведь малышка только что видела в кают-компании полковника Рабковского – точнее то небольшое, буро-красное, с глазами и погонами, что от него осталось. А вот Даня не видел. Слава богу – ему можно врать что угодно.» Чем Рене тотчас и воспользовался.

– Папа тоже прилетит, – заверил витязь мальчика. – Но немного позже. У него тут будет очень много дел. Он будет тут работать.

– Убивать врагов? – уточнил мальчик.

– Да.

– А потом прилетит?

– Да.

– А что мы с Сашкой-какашкой будем делать? Пока мы будем туда лететь?

– Саша будет читать тебе сказки из книги. Про спящую царевну, про Дюймовочку...

Там еще есть одна сказка про Илью Муромца, который всех побеждает, потому что он самый сильный и храбрый.

– Как ты?

– Почти.

– Рене, скажи ему, чтобы не называл меня какашкой! – возмущенно зашипела девочка.

– Даня, ты слышал? Еще раз назовешь Александру нехорошим словом, и я зарублю тебя вот этим мечом. Будет из тебя паштет. Понятно? – Рене сделал зверское лицо. Мальчик захныкал и закрылся рукой. – Так на чем мы остановились? Ах да, на книжке. Саша будет тебе читать... Если будешь слушать внимательно, я подарю тебе собаку. Овчарку.

– Ой, Рене... – девочка остановилась, закусила нижнюю губку и, сверкнув глазищами, выпалила.. – Я забыла!

– Что забыла?

– Книжку! Когда ты переодевал этого балбесика... В общем, я ее положила на его велосипед ну... на сидение... и забыла!

«Еще не хватало», – досадливо подумал Рене, но тут же улыбнулся своей фирменной ясноглазой улыбкой, от которой млели, как кошки на солнцепеке, девушки, модели и немедля начинали пудриться дамы, добрели вредные старушки, а проститутки сбавляли цены вдвое. И, обращаясь к мальчику, сказал:

– Саша будет рассказывать тебе сказки по памяти. Правда, Саша?

– Я... буду, – пообещала девочка. – Вот если бы с нами была мама...

– Мама скоро с вами будет.

Рене осторожно отдраил пожарную дверь ангара.

Его сердце предательски екнуло. Нет, не вооруженного отребья он боялся, скорее боялся обнаружить следы его пребывания. Дети не должны видеть трупы.

– Хочу кушать, – вдруг заявил Даня.

– Потерпи.

– Хочу! – капризно повторил мальчик.

– Надо было за завтраком есть, а не гав ловить! – Саша назидательно прищурилась.

– Заткнись, Даня. Сейчас не время ныть, – строго сказал Рене. Но тут же привычно себя одернул – с детьми полковника Рабковского нужно обходиться вежливо. И отстраненно. Безо всяких там «заткнись». С ними нужно вести себя как с чужими детьми, а не как со своими. Хотя теперь можно и как со своими, по большому-то счету, теперь разницы нет, как нет и самого полковника.

Флуггер типа «Кефаль» с дважды счастливым бортовым номером 77 находился там, где ему и положено – в одном из четырех ангарных боксов. Только топлива в баках было на полтора пальца.

Рене отстегнул мечевую и кинжальную перевязи, чтобы не мешали возиться, и задумался: сколько лет он не заправлял флуггер? Тысячу лет? Две?

По правде говоря, лет пять. В последние годы Рене, когда куда-то летал, хоть бы даже на станцию «Федино», предпочитал пользоваться услугами русских пилотов на правах пассажира. А ведь когда-то, еще на Земле, до того, как на него нашла навязчивая, необоримая охота к средневековой простоте и он поселился на планете Сурож, входящей в конгломерацию Большого Муромы, у него была не только летающая дача, но и свой болид. И денег у него тогда тоже было изрядно, благо дядя, член правления русско-турецкого концерна «ВизанТех», оставил ему порядочные суммы перед тем, как испустить дух на своей беломраморной даче под Псковом. Впрочем, суммы эти никуда не делись: привольное житье в лесах, населенных разнопле-

менными любителями живой архаики – русского извода, галльского, карфагенского, какого захочешь, – обходилось в гроши. Пища – простая, без выкрутасов. Одежда – тоже, прямо скажем, не дизайнерская. Самые большие траты – на лошадей и доспехи. Ну, оружие, само собой. Но даже его эксклюзивный булат имел цену колеса б/у, снятого с болида после аварии. А проценты меж тем прирастали... Сколько у него теперь, интересно? На скромный трехэтажный дом в ближнем Подмоскowie хватит?

Просто он как-то... перестал о деньгах думать.

Теперь придется начинать. Малышне необходимо самое лучшее образование и летний отдых, Ольге тоже много чего нужно. В первую очередь, конечно, прекратить шастать по заселенным психами вроде него, Рене, чащобам. Если ей так нейдет лечить, пусть лечит в Москве. Тиф там, конечно, вряд ли сыщется, но ведь наверняка кому-то нужно... ну, вакцины какие-нибудь вводить, бородавки удалять, или чем там врачи занимаются? Откроет частную клинику, если не жаль денег на лицензию. Увы, ему тоже придется прекратить шастать. Прощайте, осажденные города в деревянных кружевах приставных лестниц, до свиданья, моховые леса, усыпанные крутобокими ладьями реки, хмельные трактиры и прочий средневековый эскапизм. Ваш рыцарь Рене больше не монсеньор и даже не сударь. Он теперь товарищ. Согласно выданному паспорту с двуглавым потомком василиска на красной корке. И зарабатывать теперь он будет не огнем и мечом, а манипуляциями с ценными бумагами, на что, собственно, и учился.

Рене горестно вздохнул. В памяти всплыла поговорка: «Кто не кормил жену и ребенка, тот не носил кольцо в носу». Не в смысле украшения, а в смысле не носил кольца как бык, чьей жизнью безраздельно заправляют те, кто за это кольцо дергает. Приблизительный перевод. Но с какого языка – Рене не помнил, в их войске запросто говорили на восьми...

Пока он возился с роботом-заправщиком, девочка и мальчик молча смотрели на него, сидя на баллоне с кислородом. Мордашки у обоих были перепуганные, ведь чувствовали – смерть еще бродит рядом.

– Мы боимся, – резюмировала Саша.

– Что ты сказала, милая? – рассеяно переспросил Рене и, оставив в покое топливный датчик, присел рядом с детьми на корточки.

– Я сказала – в космосе страшно. Мы лучше поедem с тобой. Мы тебя так любим! – с этими словами девочка соскочила с баллона, подалась вперед, обняла Рене за шею и прижалась губами к его покрытой темно-русой бородой скуле. Рядом с сестрой прильнул, похныкивая, Данька.

Когда-то Рене решительно пресекал такого рода спонтанные выражения чувств. Пресек и теперь. Но все же – с некоторым запозданием. Ведь никто не видит. Точнее – никто из тех, кто не должен это видеть, уже никогда этого не увидит. Все погибли.

– Что значит «страшно»? – спросил Рене, медленно отстраняясь. – В космосе никого нет. Там некого бояться.

– А хидако?

– Что?

– Хидако.

– В первый раз слышу! – признался Рене.

– Ты разве не смотрел?

– Что – не смотрел?

– Японский мультфильм. Про хидако, – пояснила девочка. – Ужасно страшный.

– Я же тебе сто раз говорил, милая. У меня там, внизу, – Рене указал пальцем в пол, разумея, конечно, вековые леса Сурожа, где он жил последние одиннадцать лет, – нет ни визора, ни планшета, ничего такого.

– А книги?

– Книжки есть, – соврал Рене.

– Значит ты должен был читать про хидако! Это такие призраки... Которые мате... матери... материруются... В звездолетах... И на станциях... Они ужасно всех ненавидят... Особенно детей... Убивают их... Убили одну девочку, которая ездила на инвалидной коляске. Задушили ее специально...

Рене разобрала ярость. «Ну и мультики у них тут! Богомерзкие, да еще и басурманские. Куда смотрел этот златопогонный кретин? Впрочем, ясно куда. В еженедельник „Военное обозрение“. А Ольга? Тоже хороша. Могла бы иногда проверять, во что пялится детвора. Скинула детей на кибер-няню, а сама – в лес, к своим прокаженным!»

Однако Рене быстро совладал с собой. Он приобнял детей за плечи и сказал:

– Но это же японские мультики!

– Ну и что?

– А вы – русские дети. Вы не должны бояться японских призраков. Пусть их боятся японские дети. Из Директории Ниппон!

– А чего мы должны... ну... бояться, а, дядя Рене? – спросил мальчик.

– Ничего. Русские дети ничего не должны бояться.

– Почему?

– Потому... Потому что они... – Рене замешкался, придумывая убийственный аргумент, ну или хотя бы какой-нибудь аргумент. Главное – не молчать. Успокоить детей. Посадить их в кабину в хорошем настроении. Чтобы они выдержали восемь часов полета до Светлой. И он брякнул первое, что пришло ему в голову:

– ...потому что русские дети – это дети Онегина и Татьяны.

– Кого-кого?

– Онегина и Татьяны.

– Кто это – Онегин и Татьяна, а, Рене? – спросила Саша.

– Они с нашей станции? – спросил Даниил.

– Они не с нашей станции. И даже не с планеты. Давным-давно была такая сказка. Вы ее будете проходить в школе. Сказка такая... Ну, как «Золушка» или там... как «Кот в сапогах».

– Я смотрела мультик «Кот в сапогах». Они там в конце женятся. И у принцессы страшно красивое платье! У нее вот тут и вот тут, – восторженно сияя, Саша обвела пальцами вокруг ворота и запястий, – все вышито жемчужинами!

– В общем, «Онегин и Татьяна» это сказка, которую придумал писатель Пушкин. Много лет у этой сказки был очень грустный конец.

– Они что – не поженились? – предположила не по летам сообразительная Саша.

– Нет. В сказке они не поженились.

– А на самом деле – поженились или нет?

– На самом деле они да, поженились. Только это стало ясно через двести лет. Ученые, ну, такие въедливые ученые, как твоя мама, провели исследования, изучили всякие документы... И выяснилось, что на самом деле у настоящих Онегина и Татьяны, про которых Пушкин написал сказку, были дети. Много детей. Целых пять!

– Получается... они все-таки поженились?

– Да. Но только после. Сначала у них были дети. Двое. А потом уже они поженились и родили еще троих детей, – объяснил Рене и, видя недоумение девочки, добавил:

– Так тоже бывает в жизни, что сначала – дети, а потом «поженились», милая.

– И эти дети ничего не боялись?

– Нет.

– А почему они раньше боялись? Чего боялись, а, Рене? Хидако?

– Видишь ли, моя принцесса... Все мальчики и девочки в школе проходили сказку Пушкина «Онегин и Татьяна». И все мальчики чувствовали, что они похожи на Онегина. А все девочки знали, что они похожи на Татьяну.

– А Татьяна была красивая?

– Очень. Как твоя мама. Не перебивай! Так вот. Из-за того, что у сказки был плохой конец, мальчики и девочки, когда вырастали, чувствовали себя очень... слабыми. Такими беспомощными...

– Как мои хомячки? Помнишь, которые умерли?

– Я же тебе сказал – не перебивай! Вот... И оттого, что у Онегина и Татьяны ничего не получилось, много-много лет все русские люди, все мужчины и женщины... очень страдали. Потом у этих мужчин и женщин появлялись дети. Они тоже шли в школу. И там изучали сказку «Онегин и Татьяна». И тоже расстраивались. Некоторые даже плакали на уроках – от жалости и страха. А те, которые не плакали, потом плакали дома, тайком. И так много поколений детей вырастали несчастными. Они не верили в свои силы. Ни в чем не были уверены. И в глубине души всего боялись, начиная, конечно, с самих себя. Они думали так: если Онегин не смог все-таки жениться на Татьяне, которую он любил больше всего на свете, не смог забрать ее у дурака-мужа, что же он вообще мог? Если Татьяна так и не сумела ничего придумать, чтобы быть с Онегиным, зачем вообще она жила? И что же можем мы, их правнуки и правнучки? Так и шло все это. Пока не открылась настоящая правда. Про то, что история на самом деле кончилась хорошо. Просто Пушкин успел записать только половину, потому что его убили.

– А что потом было? – Девочка слушала очень внимательно и сквозь огромные глаза ее, показалось Рене, на него глядела уже не Ольга, как обычно, а сама Великая Богиня, которой на Суроже горазды были поклоняться все без разбора.

Рене собрался с мыслями и продолжил.

– Тогда придумали еще одну сказку. Вторую. Где рассказывалось, что же произошло на самом деле после того, как окончилась первая сказка, которую написал Пушкин. Она называлась «Семья Онегиных». Сказать по правде, вторая сказка была не такой красивой и остроумной, как первая. Первая была в стихах, а вторая – из обычных слов. Но зато она была захватывающей, интересной, там было много приключений, разных героев, даже говорящий белый медведь. Эта вторая сказка все объясняла. Люди начали ее читать, запоминать наизусть, придумывать разные продолжения... В общем, скоро русские мальчики и девочки, а потом взрослые дяди и тети, мужчины и женщины стали совсем другими.

– Какими?

– Смелыми. Как Онегин и Татьяна. Которые все-таки взяли верх.

– Они всех убили? – предположил Даня, азартно ковыряясь в носу.

– Обхитрили?

– И обхитрили тоже. Но не только. Это долго объяснять, моя принцесса... Как-нибудь потом...

– А почему они сразу не могли пожениться?

– Потому что у Татьяны уже был другой муж.

– Да?

– Да.

– Он был плохой?

– Нормальный. Просто Татьяна его не любила. Она любила Онегина.

– А кем он работал? Муж?

– Он работал генералом.

– Как наш папа?! – ликующе воскликнул Данька.

– Да. Только ваш папа работал полковником, – процедил Рене.

– А куда потом делся муж?

- Его убили. На войне.
- На войне?
- Да.
- А что такое война, дядя Рене?
- Война – это... Это... ну как сейчас.
- Рене, а ты читал эту вторую сказку в школе? Там где приключения и белый медведь?
- Нет.
- Как же тогда ты стал таким смелым?
- Ну... Мне ее пересказывала Ольга. Твоя мама.
- Дядя Рене, а ты сильно любишь нашу маму? – спросил Данька, задумчиво накручивая орехово-русый локон Рене на указательный палец.

Этого вопроса Рене совсем не ожидал. И его улыбка вышла вовсе не такой невозмутимой, как он рассчитывал.

Интересно, откуда в голове у мальчугана такие мысли? Они с Ольгой всегда были такими осторожными... Преувеличенно отстраненными. Нарочито угрюмыми. При детях они никогда, ну то есть совсем никогда не целовались, даже тайком. Нежничали? Нет. Разве что за руку здоровались. Кислая водица строжайших табу, куда там муромским, пропитала весь их одиннадцатилетний... роман... полубрак... да и есть ли такому название? Она сочилась и капала, отравляя вкус поцелуев и сворачиваясь, как кровь, словом «никогда». Никогда не говорить по видеосвязи дольше трех минут. Никогда не встречаться в присутствии мужа, полковника Рабковского. Никогда не появляться вчетвером – Рене, Ольга и дети – в публичных местах. Никогда не фотографироваться вчетвером. Чтобы сходство не бросалось в глаза. Чтобы вздернутый, чисто очерченный нос Рене, подарок нормандской родни по линии матери, миниатюрно повторенный дважды в девчоночьем и мальчишечьем варианте, не привлекал любопытных глаз. Никогда не сбривать бороду, чтобы не обнажать характерный чухонский подбородок, который тоже поспешила скопировать природа, взяв за образец родню Рене по отцовской линии. Словом, никогда, никогда, никогда. Недурственный девиз для герба Рене Сурожского. Пусть бы его золотой вышивкой по лазурному бархату!

– Ну дядя Рене... Ну пожалуйста... – канючил мальчик. – Мне надо знать... Ты ее сильно любишь?

– Сильно, – вздохнул Рене, вспомнив отчетливо ту изнуряющую тоску, которая каждый раз гнала его, во всем остальном вольного рыцаря, к этой молчаливой, с вызовом в печальном взгляде, русской докторше. Он вдруг подумал о том, что без этого «сильно» терпеть все то, что составляло Ольгину жизнь – ее мужа, ее принципы, ее работу – шутка ли, эпидемиолог, все время возится с какими-то непонятными язвами, гнусными нарывами, опухшими трупами – было бы невозможно. Как и сносить то, что его дети зовут папой этого маломерочного немолодого кретина Рабковского с безобразным шрамом, прорезающим складку левого века. Не было никаких причин кроме этой.

– А она тебя любит?

– Да.

– А вы поженитесь? Потом, когда ты ее найдешь? – спросила Саша почти беззвучно, вдвув эти слова в самое его ухо.

– Не знаю.

Рене вспомнилось, как некогда в Москве он уже делал Ольге предложение. Он случайно ее встретил, считай, едва узнал, на вечеру по случаю Дня Военно-Космических Сил.

Сашеньке уже исполнился год и один месяц. Ольга все твердила, какой хороший у нее муж, какая счастливая семья, но первый же взгляд на фотографию малышки... утвердил Рене в подозрениях, которые простые арифметические подсчеты лишь укрепили и, так сказать, намертво забетонировали. Ко дням их с Ольгой бурного псковского романа прибавляем девять

месяцев, а потом еще двенадцать месяцев и один месяц и получается... получается именно День Военно-Космических Сил. Четвертое октября. От предложения развестись со своим лысеющим майором (отличившимся в каком-то секретном конфликте и за то обласканным командованием) и сочетаться браком с ним, Рене Владиславовичем Ладожиным, ведь ему клялась она некогда в вечной любви, Ольга отказалась. Лишь лепетала в ответ вялую ерунду вроде «Паша этого не переживет!» и «Маленькой нужен нормальный отец, а не призрак в доспехах!» Тогда Рене был в бешенстве... Подумать только, он такой сувенирный, такой успешный, сделал предложение малолетней истеричке (Ольга была на девять лет младше его, вдвое меньше весом, казалась нерешительной и слезливой – обманчивое, как показала жизнь, впечатление). Сделал, поддавшись порыву не то нежности, не то нежной жалости, не то чадолюбия, и что же это, монсеньеры? Сокровенный всплеск его души встречают чуть ли не ядовитым смехом! Он исчез на долгие пять лет. А когда судьба опять столкнула их с Ольгой... в общем, после этого столкновения на свет появился Данька. Он вновь сделал Ольге предложение. Куда там! Так и жили – каждый по-своему притворяясь, ища друг с другом тайных встреч на лесистой громадине Сурожа.

В ангаре стало ощутимо светлее – вместо аварийного освещения загорелось штатное. Звучно, рупорно заговорили динамики.

"Целостность обшивки на рабочей палубе восстановлена по аварийному варианту "Б"."

До этой палубы, где располагались обсерватории и прочие капища науки было метров сто сорок, не меньше, и тот факт, что она была разгерметизирована, Рене мало заботил. Но вот яркий, полноценный свет его обрадовал – это ремонтные боты, разделавшись с пробоинами, снизили потребление энергии и напряжение пришло в норму.

Почти сразу вслед за тем последовало сообщение от «Кефали»: «Борт семьдесят семь готов к размещению пассажиров. Добро пожаловать! Пилоту просьба указать взлетный режим.»

Флуггер ожил. Дверь пассажирского салона отползла, едва заметно подрагивая, в сторону. Вывалилась, на ходу распрямляясь, складная лестница.

Рене подхватил детей на руки и поволок в кабину.

– Дядя Рене, я хочу есть! – пискнул Данька.

– Потерпи.

– Хочу-у-у-у!!!

– Потерпи!

– Мама... Мамочка!

– Только не реви, ради бога!

– Пить!

Черт, как он мог забыть о еде? Права была Ольга. Воспитатель из него никакой. Да, он сам может сутками терпеть и голод, и холод, и жажду. Но ведь это дети. Десять часов без еды и воды для них многовато... Идиот. Инфантил. Клоун!

Усадив детей в красные блестящие кресла, Рене бегом спустился и опрометью бросился к ближайшему автомату.

Слава богу, холодильник с газировкой был сравнительно недалеко, перед входом на склад. Бутылочки с ситро стояли гвардией за прозрачной стеклянной дверью и терпеливо ожидали, когда жаждущий скормит их электронному тюремщику пару мелких монет. Требуемых автоматом терро в кожаной мошне Рене не обнаружилось – там теснились золотые франки герцога Анжуйского-и-Воронежского и три серебряных рубля – большущих таких, измазанных конским навозом, с портретом князя Олега Игоревича (когда тот еще был жив, Рене не раз пивал с ним хмельное Старосельское пиво). В щель автомата все это, конечно, не пролазило.

Хрясь!

Ручища Рене, покрытая, как и все его могучее тело темными длинными волосками (за что одна девица из Североамериканской Директории в горячке близости звала Рене Кинг-Конгом – правда, он понятия не имел, кто это), рванула вперед. Многокилограммовый кулак, облеченный кожаной полуперчаткой со стальными наклейками, врезался в витрину.

Полилось на пол, поблескивая, неострое, льдистое стекло.

Две похищенных бутылки сидро перекочевали за пояс Рене. Тюбик с черничным йогуртом и надорванный пакет с картофельными чипсами, которые лежали на нижней решетке холодильника (как видно, кладовщик, присматривавший по совместительству и за холодильником, хранил там собственные продуктовые запасы), Рене тоже прихватил.

– Вот. Это ваш обед. И ужин. Саша, проследи, чтобы Данька поел.

– Рене, а что мы скажем, когда приедем туда... ну в это место? – поинтересовалась девочка, по-взрослому озабоченно сводя над переносицей брови.

– Скажи, что скоро за тобой приедет мама. И все им объяснит. Вообще-то я им начитал на видефон все, что нужно. Не беспокойся, стыковка пройдет автоматически.

«Просьба ускорить посадку. Поддержание взлетных систем в готовности истощает энергоресурсы! Диспетчеру: занять место за пультом и начать вывод машины в режим автопилотирования!»

– Все. Поехали. Саша, ты помнишь, что я тебе говорил?

– Да.

– Повтори.

– Ничего не трогать. Рассказывать Даньке сказки. Дать ему картошку. Потом спать, – послушно отрапортовала девочка.

– Правильно, – удовлетворенно кивнул Рене.

– Дядя Рене, а ты мне дашь подержать свой меч? – сонно спросил мальчик.

– Даже не проси!

– Ты обещал!

– Ладно. Если не будешь обзывать Александру какашкой.

– Буду!

– Тогда – пеняй на себя!

– Не буду!

– Тогда дам.

– А собаку?

– Куплю, – пообещал Рене. – Потом. Завтра.

– До свидания, дядя Рене! – блаженно сощурившись, Данька поцеловал наклонившегося Рене в лоб, покрытый холодными бусинами пота.

– Держись, моя прекрасная принцесса! – нежно сказал Рене и погладил девочку по волосам.

– До свидания... *papa*, – прошептала Саша, загадочно улыбаясь витязю исподлюбья.

Рене посмотрел на девочку в немом изумлении.

«Гм...»

Бросив последний взгляд на панель автопилота, он затворил дверь салона. И, грузно брякнув коваными сапогами по лесенке, поплелся в диспетчерскую.

Сердце Рене отстукивало бешеный ритм, лицо пылало. Он чувствовал себя школьником, не выучившим урок. Нет, не так. Школьником, отродясь не учившим уроков и теперь вызванным на самый важный экзамен в своей жизни. Ведь он не умел дистанционно выводить флуггер в режим автопилотирования. И не было времени учиться. Одно неверное движение и...

«Прочесть бы теперь самому эту сказку про Онегина и Татьяну... Ту, вторую, с хорошим концом. Во укрепление духа.»

Новелла третья

Февраль 2622 г .

Планета Грозный, система Секунды

Ночь была густо-черной и сырой, как погреб с мокрицами. Даже дышать было нелегко, казалось вот-вот придется прикладывать мышечные усилия, чтобы протолкнуть воздух в легкие.

Шумное сопение рядовых Нуха и Саккара, а также музыкальное похрапывание сержанта Руза были единственными звуками, которые нарушали великую предрассветную тишину.

Додар, рядовой разведывательного батальона 2-й танковой дивизии, красоты и гордости армии Великой Конкордии, встал с застеленного одеялом ящика, бережно отложил растрепанную книгу в богатом бордовом переплете, примостил сверху сундучок переводчика (голубой дисплей устройства не спешил гаснуть, а вдруг сейчас снова спросят!) и с удовольствием потянулся – хруст суставов, утробное сладкое «ох!».

Бесшумно ступая, Додар пробрался мимо спящих к термосу и нацедил себе чаю. Стиснул двумя пальцами узкое горлышко стеклянного стакана со сладким коричневым пойлом и направился к деревянной лестнице. Вела она на самый верхний, третий этаж наблюдательного поста №9, чем-то напоминающий капитанский мостик пиратской шхуны.

Там, на третьем этаже, располагалась звукоулавливающая селективная система «Аташ», к ней протягивали свои усики многочисленные удаленные микрофоны. Днем оттуда был прекрасно виден безбрежный океан джунглей планеты Грозный.

Впрочем, безбрежный океан джунглей можно было наблюдать и ночью, в ноктовизор. Но особенной охоты смотреть на лес в темное время суток у рядового Додара не возникало. Ведь некрасиво! Вместо волнующегося изумрудного бархата – серое, с неряшливыми выступами сукно, которое напоминает каменистую поверхность ненаселенной планеты, лишенной благодатной атмосферы-жизнеподательницы.

Странное дело, на Грозном в рядовом Додаре проснулось эстетическое чувство, его создателями несколько не запланированное, почти нежелательное.

Принадлежи Додар к высшей касте заатаров, прилагательное «красивый» было бы для него таким же обиходным, как существительное «честь». Но он происходил из касты демов и был произведен путем клонирования на одной из биосинтетических фабрик близ Хосрова, столицы Великой Конкордии.

В самой Конкордии фабрики эти назывались достаточно выпендренно – Прибежищами Душ. Вот бежала-бежала беспризорная душа по обратной стороне мира, и прибежала на фабрику, чтобы воплотиться в отменном, никем еще не занятом теле. Совокупность же Прибежищ именовалась Лоном Родины.

Рядовой Додар был рожден синтетической маткой в Прибежище Душ имени учителя Яркаша. Поэтому-то фамилия у него была Яркаш, как и у восьмисот тысяч мужчин, произведенных там же за двадцать два года безупречной работы комбината.

«Дети Яркаша» – ласково называли их воспитатели.

Добравшись до третьего этажа, Додар уселся в кресло оператора станции радиотехнической разведки (обычно там сидел Саккар) и поставил вспотевший стакан с чаем на крышку недовольно урчащего аппаратного блока. Додар скрестил руки на груди и закрыл глаза.

Перед мысленным взором рядового встала женщина из русской книги. Душу сковала сладкая судорога.

«Larip», – прошептал Додар. Даже ее имя возбуждало в нем вождление.

У нее было суженное книзу лицо и шоколадные глаза с пушистыми ресницами. Стараниями парикмахера роскошные каштановые волосы образовывали над ее ушами два фонтана из завернутых петлями косичек. Шея ее была пригожей и белой, а прелесть девичьей груди подчеркивало необычного покроя газовое платье с низким квадратным вырезом и вздутыми, как будто ватой набитыми, рукавами.

На шее у женщины серебряными червячками извивалось бриллиантовое кольцо (впрочем, мудреного слова «кольце» рядовой Додар, словарный запас которого составлял две тысячи единиц, не знал). С белыми камнями кольцо перемигивались синие камни подвески.

Но самым примечательным, на взгляд Додара, была талия красавицы. Тонкая, шириной с два его кулака. У основательных женщин из касты демов талии были не такими – сильными, покрытыми теплым панцирем мускулов. Конечно, у женщин-заотаров талии были изящнее. Но чтобы настолько...

«Может это врожденное уродство? Тогда выходит, она инвалид, как старый Охар, который работал на стадионе сторожем? Бедная...»

Такой тонкой талии Додар никогда раньше не видел, в первую минуту он даже решил, что дива принадлежит к другой, не вполне человеческой расе.

Впрочем, дальнейшее знакомство с иллюстрациями убедило Додара в том, что люди на картинках хотя и диковинные, но все-таки обычные. Мужчины, женщины и дети были наряжены очень странно, по моде не поймешь каких времен. На головах у мужчин блестели черные шляпы с высокими тульями и плавно загнутыми полями, на шеях кривлялись смешные банты, а волосы на щеках росли странными курчавыми скобками. Женские юбки походили на одноместные палатки, сшитые из оконных занавесок. На ногах же у мальчика, изображенного в середине книги, были надеты не то сапоги... не то башмаки... не то ботинки, сплетенные как будто из полосок, кожаных полосок, что ли?

Собственно, из-за этих-то картинок Додар книгу и прихватил.

Он пожалел ее, как жалеют потерявшегося котенка, ведь знал: с минуты на минуту Новогеоргиевская библиотека запылает вместе со всем своим небогатым фондом. Рев пожара приближался, а бороться с пламенем никто и не думал. Ведь они солдаты, а не пожарники.

Первого блока страниц в книге не оказалось, наверное, вырвал кто-то, чтобы вытереть штык-нож. А название на обтянутой выцветшей материей обложке было полустершимся, сканер переводчика его не брал. Кто автор – тоже оставалось неясным. Но интуиция подсказывала Додару, что между континентами цветных картинок лежат поэтические моря.

Лесенка заскрипела и прямо перед Додаром возникло лицо рядового Нуха. Его черные волосы были взъерошены, а глаза привычно гноились со сна.

– Чего не разбудил? – спросил Нух гнусавым голосом.

– Да так... А что?

– Нужно было разбудить. Полчаса уже наша смена.

– Тебе же лучше, поспал... – отхлебывая чай, заметил Додар.

– Порядок должен быть.

«Порядок!» – мысленно передразнил товарища Додар. Вообще-то, если по порядку, двое должны наблюдать, а двое – отдыхать. И то, что Нух, Саккар и сержант Руз спят, а он в одиночку караулит – это уже не по порядку. Саккар должен дежурить с ним. Но сержант разрешил отступить от порядка. Ведь катать кости втроем веселей, чем вдвоем.

С недавних пор рядовой Додар в кости с товарищами не играл. Ведь у него была книга.

Разведбат 2-й танковой дивизии очутился на Грозном полтора месяца назад, вместе с Освободительной Армией Великой Конкордии.

Поначалу освобождение планеты от трехголовой гидры русского гегемонизма, азиатского буддизма и европейского атеизма шло проворно.

Несгибаемые солдаты Родины, среди которых был и Додар, захватили город с неудобно произносимым названием Новогеоргиевск (между собой они звали его «Нов»), очистили от врага космодром и совершили множество других героических деяний.

Но когда окончательно окрепла уверенность в том, что победа близка, и со дня на день их погрузят на корабль и повезут в саму Москву, где будут проходить торжества по случаю низвержения безбожных Объединенных Наций, выяснилось, что 4-я танковая дивизия Объединенных Наций, состоящая сплошь из каких-то «русских», в силу упрямства, свойственного всем друджвантам, не желает признавать превосходство конкордианской веры и социального устройства. И подло прячется в джунглях, время от времени совершая оттуда лихие вылазки крошечными летучими отрядами.

Когда потери от этих вылазок стали исчисляться сотнями, Народный Диван приказал войскам войти в лес и «решительно уничтожить последние очаги сопротивления на Грозном».

Войти оказалось не так сложно, но вот уничтожить противника, и даже просто продвигаться дальше известного предела – не получалось никак.

Разведбат, в котором служил Додар, сперва углубился в лес на несколько десятков километров, потом два дня подряд попадал в огневые мешки, потом завяз в минных полях и остановился.

Командование убедилось, что к решающему наступлению надо как следует готовиться. Из метрополии запросили специальную технику, ракетно-артиллерийскую бригаду и «чудооружие», о котором никто ничего не знал, кроме того, что оно творит чудеса – в полном соответствии со своим названием.

Для доставки всего этого требовалось время.

Танковые полки стали лагерями прямо в лесу, а выдвинутому вперед разведбату поручили боевое охранение.

В цепочке постов – подобно ожерельям они окаймляли клонские лагеря – был и пост №9, где служили рядовые Додар, Нух, Саккар и сержант Руз.

Прямо на деревьях были устроены наблюдательные пункты.

Дерево, на котором располагался пост №9 было, как и его соседи, гигантским. Сто пятьдесят метров высотой, оно имело многоярусную горизонтальную крону, матовый, цвета старой ржавчины гладкий ствол и кожистые пятипалые листья – когда шел дождь, они шумно аплодировали вертким молниям. Если потереть такой лист о рифленую подошву ботинка, почувствуешь запах ацетона.

Нижний этаж, где жили рядовые и сержант, располагался на первой развилке, на высоте около ста тридцати метров. Для сообщения с землей на посту №9 имелась тросовая подъемная система с одноместной люлькой. Так сказать, лифт.

Инженер Рамман, который его устанавливал, понравился Додару, несмотря на свою принадлежность к касте энтли, а ведь энтли, как известно каждому дему, только задаваться мастаки. Однажды после обеда инженер Рамман застал Додара наедине с книгой. Рамман внимательно перелистал ее, с интересом проглядел укрытые тончайшей папиросной бумагой картинки и нехотя возвратил. На лице инженера Додар заметил выражение одобрения.

«Хорошо иметь такого друга!» – с тоской подумал Додар. Наличные друзья – рядовые Нух и Саккар – его увлечения чтением не разделяли.

Сержант Руз, конечно, тоже.

«Вредная привычка. Отвлекает от важного!» – осуждающе говорил он.

Основной задачей поста №9 было наблюдать, не рыщут ли поблизости русские диверсанты. В случае их появления солдаты должны были поднять тревогу и дать наглецам отпор.

Диверсантов было не видеть. Лишь только иногда в стеклянном серо-синем небе со словно бы приклеенными белыми облаками, проносились штурмовики, наведенные пронырливыми рейдовыми группами спецназа «Скорпион» на вскрытые лагеря русских.

Джунгли бомбили баками с зажигательной росой. Старались сбрасывать их так, чтобы поджечь лес по периметру вокруг обнаруженного русского лагеря. А вдруг получится поймать русских в кольцо лесного пожара и выбить всех, до единого, россыпью смертоносной мелочи из тяжелых кассет?

Следом за штурмовиками тянулись пузаны-торпедоносцы – с этими самыми кассетами.

К авиации Додар относился с нежностью. Ведь в ней когда-то служил его закадычный друг Хавиз, пока не разбился во время учебного вылета. Додар всегда провожал флугтеры взглядом, исполненным чистой радости.

Там вдалеке сыпались на русских бомбы. Дрожала земля, чадным адским пламенем полыхали деревья. Но потом заряжал ливень (в это время года на Грозном дождило по два-три раза в день) и воцарялся цельный, как гранит, шорох струй, который Додар был готов называть «тишиной».

Тогда он принимался читать.

До чтения Додар дошел не сразу, вначале довольствовался картинками. Он смотрел на них так часто и подолгу, что однажды обнаружил, что способен с закрытыми глазами пересчитать маленькие бриллианты на подвеске красавицы со страницы 237 и лепестки ромашки, что подносит она к губам, на странице 120. Так и с ума сойти недолго!

Главное же, Додару страстно хотелось знать, как Её зовут.

Он выпросил у сержанта Руза переводчик, который был положен тому как командиру поста. Несколько дней провозился с настройками – сказывался недостаток опыта. Но потом все-таки приловчился понемногу читать.

Первым делом он облизал сканером подпись под портретом. «Tatiana Larina» – проступило на дисплее.

«Значит, Tatiana – это фамилия. А Larina – имя!»

Додар неописуемо обрадовался.

"Larina... Larina..." – повторял он, беззвучно шевеля полными смуглыми губами.

Поначалу он делал ударение на французский манер – на последнем слоге. Но вскоре обнаружил, что если похерить вторую гласную "а" и перенести ударение на "i", получится даже нежнее. Ведь Larin – это как Ясмин или Гарбин, почти нормальное женское имя. Додар удовлетворенно ухмыльнулся – еще одна загадка разгадана!

Боевые товарищи были начеку.

– Чего ты там улыбишься? – мрачно поинтересовался рядовой Саккар.

– Что, нельзя?

– Слышал, семнадцатый пост орхидеи сожрали?

– Вчера ж вроде был пятнадцатый?

– Может и пятнадцатый...

– Так пятнадцатый или семнадцатый?

– Хрен его разберет!

– Я думал, официально сообщили.

– Да нет, слухи только...

– «Слухи есть наивреднейший инструмент деморализация солдата, психическое оружие массового поражения!» – процитировал Додар из речи адмирала Шахрави перед Народным Диваном. Незадолго до отправки на фронт они учили ее наизусть. – Вот дождемся, когда командование реальную информацию пришлет, тогда и поговорим.

– Дождешься ты, как же... – ворчал в ответ Саккар.

С недавних пор Додар физически не мог поддерживать беседы о хищных орхидеях. Да, они опасны. И, без сомнений, следует держать ухо востро, не то удушливой ночью какой-нибудь особо шустрый цветочек протянет к тебе свои чувствительные к инфракрасному излучению корни-щупальца, задушит тебя и высосет, как паук муху. Да, такие случаи бывали. И якобы

неоднократно. Все это очень, очень важно. Но даже о самом важном невозможно говорить три часа каждый день!

Последние слова Додар был готов проорать дурным надсадным голосом. Когда его товарищи принимались привычно дивиться проделкам людоедских растений, Додару казалось, что Larin из книжки смотрит на него укоризненно.

Итак, Саккар ушел обиженным. Ведь орхидеи – это только повод поболтать. Теперь они втроем – Саккар, Нух и сержант – будут шептаться, что Додар зазнался.

Только Додару было все равно. Он поразительно легко переносил свою растущую отчужденность от товарищей. Ведь теперь он был не одинок.

Помимо происков хищных орхидей, чьи оборчатые расхристанные туши они с упоением счищали со ствола и ветвей в качестве утренней гимнастики, в дежурных ходили еще две темы.

Первая: когда наконец пришлют обещанное чудо-оружие, которое выкурит русских из джунглей?

И вторая: когда же все-таки их отправят в Москву, где каждый боец сможет помочиться на небоскребы Красной Площади?

Шли недели, с Москвой ясности не прибавлялось. Но чудо-оружие действительно пришло. Им оказался... вольтурнианский всеяд. Тварь отвратительная, да вдобавок еще и «акселерированная», с улучшенной управляемостью и способностью соображать.

В вивариях на планете Вольтурн этих зверьков наплодили в числе, близком к апокалиптическому. Благо размножались всеяды четыре раза в год, а ели, в полном согласии со своим названием, даже помои и просроченные ядохимикаты.

Предполагалось, что шустрые и злобные вольтурнианские всеяды, способные плевать кислотой, кусаться и отравлять воздух неопикуемой вонью (правда, последнее лишь в период спаривания), быстро наводнят леса Грозного и сделают жизнь русских партизан невыносимой.

О том, насколько сильно отравлена жизнь русских, обитателей поста №9 судить было сложно. С собственной же ясностью была полной – отстрел всеядов стал для них такой же рутинной, как и очистка радиуса безопасности от орхидей.

Поначалу сержант Руз не решался отдать приказ на истребление безголовых, отталкивающего вида тварей. Ведь все-таки казенное добро. Но после того, как рядовому Саккару плевок всеяда прожег голень до самого сустава, сержант переменял мнение.

По «чудо-оружию» стреляли одиночными из автоматов, и даже, случалось, из пулеметов, которыми были оборудованы стрелковые площадки первого этажа. Азартно, с озорными прибаутками наблюдали за тем, как пули разносят в клочья диспропорциональные многоногие тушки. Между соседними постами установилось даже нечто вроде состязания, кто сколько завалит.

– Исчадия Ангра-Манью, – шипел Додар, выщеливая тварей в малахитовой шапке соседнего дерева.

– Патроны береги, – ворчал сержант.

– Дети грязи, вот я вас сейчас...

Несколько последних дней тема детей интересовала Додара весьма живо. Началось, как обычно, с книги.

На одной из картинок была изображена Larin, передающая письмо круглолицему мальчику лет семи. Додару вдруг подумалось, что мальчик этот – сын Larin, уж больно ласково касалась она рукой его белокурой головки. Из того факта, что у совсем молодой Larin есть сын следовало, что она принадлежит к касте пехлеванов, а может и заатаров, каковые, в отличие от демонов и энтли, обладали безусловным репродуктивным правом с 15 лет. Между прочим это означало, что у Larin должен быть и муж! Выходит, хилый, с дегенеративным лицом и нелепо

зачесанными на лоб волосами мужчина, который встречается на большей половине иллюстраций, и есть этот самый муж!

Поначалу Додар опечалился. Он хотел для своей Larin лучшей судьбы. Но потом решил, что раз Larin нравится хилый Evgeni, значит лучше ей быть с ним.

Не смотря на суровость воспитания, рядовой Додар был добрым человеком.

Фантазировать было гораздо интересней чем читать. Тем более, что переводчик плохо брал текст. То и дело умная машинка требовала подключить какую-то загадочную «энциклопедию», но где ее достать, Додар понятия не имел, спрашивать же у сержанта стеснялся.

Когда очередная попытка продрастья сквозь стихотворный бурелом оканчивалась фиаско, Додар откладывал книгу и размышлял. Что же это получается, если действие происходит в прошлом, может даже в прошлом веке, значит среди тех русских, которых штурмовики поливают зажигательной росой, могут быть и внуки Larin? «Значит, с ними мы и воюем?»

В этой связи мысль о плене перестала казаться Додару кощунством. Еще на родной планете Вэртагна Додар вместе со своим закадычным товарищем Хавизом поклялся у чаши Священного Огня перекусить себе язык, если судьба распорядится так, что они окажутся безоружными перед лицом врага. Но теперь эта клятва уже не казалась Додару нерушимой. Ведь тогда он представлял себе врага иначе... Как? Ну, как ракообразного чоруга... Как отталкивающего вида робота... Да мало ли как? В конце концов, можно сначала сдаться, а уже потом перекусить себе язык. Додару мучительно хотелось удостовериться, правда ли, что у русских женщин такие тонкие талии. А ведь русские, должно быть, не так злонравны, как другие племена Объединенных Наций. В книге они все время вспоминают Творца Всего Сущего Ахура-Мазду (так переводчик транслировал слово «Вог»). И потом, если их взрастили такие матери, как Larin, они просто не могут быть нравственно безнадежными, наверняка Народный Диван смог бы их перевоспитать! В общем, вариант с самоубийством Додар оставлял теперь на самый крайний случай.

Думал Додар и о том, как восприняла бы Larin его ухаживания.

Уже проваливаясь в сон, он видел себя и Larin в Центральном Хосровском парке, возле знаменитой статуи «Девушка с ловчим соколом». В унизанных кольцами руках Larin букет чайных роз, приторно-желтых, огненно-оранжевых, их колючие стебли спеленуты белой салфеткой с кружевной каймой... Додар не сомневался, Larin согласилась бы пойти с ним в парк. Вот они на Аллее Ткачей. Он останавливает тщедушного разносчика, чтобы купить Larin сладостей и имбирной воды. Дает продавцу щедрые чаевые, тот громко благословляет Додара и весь его род. Larin смеется, проходящие мимо мужчины смотрят на него, Додара, завистливо и ревниво...

Один негодяй, друг Хавиза, однажды рассказывал Додару о своих интрижках с женщинами Объединенных Наций. Он служил стюардом на пассажирском лайнере межзвездного класса, летал на Землю. Додар почти запомнил, как назывался город, где друг Хавиза бывал – не то Берлик, не то Берлиз... В этой Европейской Директории, рассказывал летун, женщины просто обожают парней из Конкордии – бронзовокожих, с упругими бицепсами и сильными ягодицами. «Еще бы!» – с гордостью подумал тогда Додар. Ведь матрицу для их «воплощения» делали не с кого-нибудь, а с самого великого Гаура, чемпиона Конкордии по легкой атлетике!

Словом, Додар был уверен, что понравился бы Larin. А потом у них появились бы дети. Конечно, пока у него нет репродуктивного права, но к моменту знакомства с Larin он совершил бы какой-нибудь подвиг, например, задушил вражеского генерала. За это Народный Диван наградил бы его правом отцовства, ведь Народный Диван – он щедрый и мудрый. Они с Larin жили бы долго и счастливо в двухкомнатной квартире на бульваре имени Правды.

Волшебным образом Larin существовала для Додара сразу во всех временах – и в экзотическом русском прошлом, и в лесном настоящем, и в светлом будущем.

"Seriya «Shkolnaya Biblioteka» – отпечатано на предпоследней странице.

Прочтя эти строки, Додар очень обрадовался. Ведь он знал – «школами» называются заведения, где учатся заотары. Стало быть, познавая книгу, он приобщается к истинам, что познают на недостижимых кастовых высотах русские мужчины с худыми одухотворенными лицами и их верные кареглазые женщины. Додар обратил лицо к небу и молитвенно сложил ладони.

– Связи опять нет... – проворчал за спиной Додара сержант.

– И что? – неохотно отозвался Додар.

– Всю ночь на востоке бомбили... Слышал?

– Да нет, спал.

– Предчувствие у меня...

– Насчет дождя?

– Да при чем тут! Русские совсем близко!

– А... Появятся – тогда и поглядим! – многозначительно похлопывая по прикладу своего автомата «Баал», отвечал Додар. Он собрал в этих словах всю свою тяжелую мужскую харизму. Он старательно нахмурился и сжал кулаки. Из военно-патриотических фильмов Додар знал – именно так должен реагировать боец на сообщение о приближении врага.

На самом же деле дурные предчувствия сержанта Руза Додара скорее обрадовали.

Он так много узнал о русских из книги, что их появления уже в каком-то смысле желал.

И не важно, что с ними придется вступить в бой.

Главное, они наконец-то встретятся, пусть и в качестве сотрапезников на роковом пиру смерти.

Гроза, долгих два часа ворочавшая исполинскими медными тазами за ширмами серых туч, закончилась как всегда внезапно. Джунгли погрузилась в привычное предрассветное оцепенение.

Едва не оглохшие от небесного концерта сержант Руз, Саккар и Нух уже минут двадцать как встали. Саккар брился, по-гусиному вытягивая шею в сторону зеркальца, Нух заливал крутым кипятком сухой брикет крученой лапши, сержант насвистывал гимн 2-й танковой, сидя в туалете, который, к слову сказать, был устроен у них по морскому образцу – от второго этажа отходил вбок узкий, как гробик, дощатый пенал, накрытый брезентом, внутри которого была устроена сижа с неприятным квадратным отверстием.

Додар позевывал в кресле Саккара. Его смена кончилась, можно идти спать.

Настроение было превосходным. За ночь он узнал много нового о сестре Larin. Она тоже была красавицей, хотя и не во вкусе Додара. Он бережно укладывал книгу в пластиковый пакет, когда внизу захрипел громкоговоритель.

Додар вздрогнул всем телом. Очень уж неожиданно. Осторожно глянул вниз. Там, в сумеречных лесных низинах, среди клубов холодного тумана отчетливо контурировалась... броня вражеского танка.

И когда только они успели подобраться? А впрочем, в небе громыхало так, что не удивительно.

Стараясь не делать резких движений, чтобы не привлечь к себе внимания, Додар активировал переводчик – он все еще лежал у него на коленях – и настроил его на голосовой режим.

– Додар, ты слышал? – проорал из сортира сержант Руз.

– Слышал.

– Что они говорят, Додар?

– Они говорят, чтобы мы сдавались.

– Кто это – они?

– Да эти... Дети...

- Дети?
- Дети Evgeni и Larin... – отвечал Додар с рассеянной улыбкой.
- Не понял! Повтори!
- Русские.
- Русские?!
- Да.
- Чтобы мы сдавались?
- Да! У них танки... Говорят, численное превосходство...
- Никогда!

С первого этажа застрочил пулемет. Со второго полетела ручная граната. В ответ тяжело ухнуло дважды. Нужник и вместе с ним половина второго этажа рухнули вниз. От третьего откололся шестиугольник с тяжеленным кубом звукоулавливающей системы.

Когда дым рассеялся, Додар принялся искать свой облегченный «Баал», но нашел только разводной ключ. Оно и не удивительно – несколько минут назад он положил автомат на крышку сгнувшего «Аташа». Пистолет же рядовым был не положен.

Додару ничего не оставалось, как прижать книгу к груди и закрыть глаза. Запели в листе шустрые пули, застучали рикошеты. Запахло кровью и ацетоном.

А через минуту все стихло.

Вновь раздался тот же зычный голос.

Додар осторожно привстал с кресла оператора и посмотрел вниз.

На перилах ограждения второго этажа, лицом вниз, повис рядовой Нух, прошитый не менее, чем дюжиной пуль.

Сержанта Руза видно не было – он лежал на земле, на гряде досок, в противоестественной позе человека, чей позвоночник сломан сразу в нескольких местах. Истошный крик рядового Саккара Додар слышал еще до того, как рухнул нужник. И по тому, как внезапно он обрвался...

– «Ne spitsya, nyanya, zdes' tak dushno...» – во всю глотку прокричал Додар и сразу вслед за этим вспомнил еще: «Bogat, horosh soboyu Lensky vezde bil prinyat kak zhenih!»

Додар положил переводчик в нагрудный карман. Заткнул за пояс книгу. И, подняв руки в интернациональном жесте примирения с судьбой, ступил в пластиковую люльку лифта.

Осень 2005

От автора

Однажды я придумал забавный постмодернистский сюжет. Как и требуют каноны постмодерна, этот сюжет был отчасти заемным, занимать же я, как человек дерзкий, решил ни много ни мало – у Франца Кафки. Представьте, некий молодой коммивояжер просыпается однажды утром и обнаруживает, что все его семейство – одаренная красавица-сестра, пенсионерка-мать и немолодой, но сильный духом отец – превратилось в жуков. Ситуация гениального кафкианского «Превращения» выворачивается шиворот-навыворот. И совестливый невротик Грегор Замза, преодолевая отвращение, начинает налаживать общежитие со своими родными, и все же такими омерзительными жуками... Рассказ «про жуков» я так и не начал, вероятно, побоявшись выглядеть слишком уж жалким в сравнении с великим чехом. Зато я написал повесть с названием «Превращения». В ней нет зловредных насекомых, зато есть цветы и у этих цветов с людьми складываются весьма непростые отношения.

Повесть была написана специально для этого сборника. Никогда раньше она, конечно, не публиковалась.

Превращения

Новелла первая. Туда

– Один билет. Взрослый, – сказала Ириша, приблизив голову к оконцу кассы.
– Один? – переспросили из сумрака. – Точно? У нас дети после года оплачиваются.
– Точно, – Ириша сунула деньги в окошечко, похожее на норку мультяшного мышонка Джерри.

Понятно было, отчего невидимая, но почему-то легко воображаемая кассирша, женщина не Бальзаковского, не писал Бальзак о таких, но скорее веркисердючкиного возраста с тусклыми волосами, зализанными бороздчатым полумесяцем гребня, переспрашивала про количество билетов. А вдруг у ног Ириши стоит, рассеянно покачиваясь, сопливый карапузик с лопаткой и ведерком, годиков этак двух, которого она попросту не видит из своей узкой и высокой амбразуры? Надо, чтобы он оплачивался.

Ириша задумчиво поглядела на красный билет и смело шагнула в алебастровые ворота, над которыми полукружила насаженная на проволочный каркас надпись «Зоопарк».

Невдалеке от входа вымощенная тротуарной плиткой дорога разделялась на три, как в русских былинах. Имелся и межевой камень. «Хищники», «Птицы», «Обезьянник» – туда вела правая тропинка. «Жирафы», «Верблюды», «Аквариум» – средняя. «Дирекция зоопарка» – левая.

«Налево пойдешь – себя потеряешь...» – подумалось Ирише.

Она, конечно, пошла налево.

Дирекция занимала благообразно-ветхий особняк, доставшийся ей от дореволюционных отцов-основателей. Все они носили монокли, красивые немецкие фамилии и окладистые ухоженные бороды. К дверям здания вело высокое бетонное крыльцо. Многочисленная лепнина на его фронтоне казалась неряшливой, оплывшей. Да оно и понятно, ведь каждый год ее красили, не потрудившись смыть прежний слой.

Ириша села на лавку и скрестила руки на груди. Поглядела на часы. До начала обеденного перерыва оставалось шесть минут.

Ириша была уверена: Лиля ее видит. Кабинет у нее на втором этаже, рядом с кабинетом директора.

Лиля – секретарша. «Секретарша в зоопарке – звучит как издевательство. Мне никто не верит, когда я говорю!» – жаловалась как-то Лиля.

По ступеням крыльца спустился замдиректора Полянский – за два года, что Лиля и Ириша прожили вместе, Ириша успела узнать весь Лилечкин трудовой коллектив. Несколько раз Ириша даже бывала на вылазках вместе с небогатой зоообратией – сосиски вместо шашлыков, корейская морковь, дешевое массандровское пойло. Полянский был полноватым блондином, безосновательно довольным всем подряд – работой, зарплатой, семьей, тремя детьми. Манера общаться у него была своеобразной. Людей он воспринимал лишь как отсветы всепроницающего мерцания великого животного царства.

«Надо же и совесть иметь – опаздывать на сорок минут, коза ты моя камерунская!» – укорял Полянский заспанную Лилю, вваливающуюся в контору в десятом часу.

«Как же это ты, нерпа моя байкальская, письмо от „Гарант-банка“ третий день до директора донести не можешь?» – журил Полянский нерасторопную Лилю.

– А ты что тут делаешь, русская моя выхухоль? – дружелюбно спросил Полянский, оказавшись возле Ириши.

– Как обычно, Лилю жду, – отвечала Ириша с хилой улыбкой выздоравливающей тифозницы.

– А-а... Лили сегодня нет... Заболела.

– Понятно, – кивнула Ириша.

Понятно было, что Полянский врет. Но человек он был симпатичный и незлой, впрочем, как и большинство знакомых Ирише зоологов. Говорить ему резкости не хотелось.

– Я просто посижу... Устала.

– А то может в «Адриану» махнем? Там на проспекте пиццерия открылась, недорогая.

– Спасибо, не хочется что-то.

Полянский ушел, по-балетному широко расставляя носки. А Ириша осталась. Она достала пачку сигарет, каждая толщиной со шнурок, вынула одну, хрустнула поддельной зажигалкой «Зиппо».

Не заболела Лиля. Лиля сейчас заливает сублимированное картофельное пюре кипятком и нарезает плавленый сырок, похожий на кирпичик старинного белого мыла. Иногда поглядывает в окно из-за полосатой занавески, не ушла ли Ириша.

Нет, в глубине души Ириша не верила, что Лиля вдруг раздумает, вернется.

Но знать, что Лиля ее по крайней мере видит, по крайней мере, они рядом, включены в одну игру (одна страдает, другая глумится) – это казалось ей... не то чтобы правильным, но единственно возможным. Казалось, от этого болит внутри чуточку меньше.

«Любовь – это единственный наркотик, которым можно злоупотреблять» – эту формулу Ириша вывела давным-давно и счастливо ей следовала. Теперь она чувствовала: с формулой что-то не так. И от этого святого наркотика, оказалось, бывает ломка.

Ириша покинула свой пост за минуту до окончания обеденного перерыва. Нет, Лиля не выйдет, это ясно. Как не вышла вчера, позавчера (хотя нет, позавчера Ириша не приходила – надо было сдавать отчет) и месяц назад.

Что ей, написать масляной краской на асфальте «Лилечка, я люблю тебя! Вернись!», как делают подростки? Или, может, письмо: «Я к вам пишу – чего же боле?» Или что?

«Ничего, блин, тут не поможет...» – понурившись, Ириша покинула свой скорбный пост и зашагала к пруду, удаляясь от особняка дирекции.

У белого лебедя шея была желтой, но все равно – красивой желтой. Эти лебеди будоражили Иришино воображение своим сходством с банальными деревенскими гусями. Вот взяли гуся, вытянули ему шею сантиметров на двадцать и получилось... ведь божественно!

«Кто бы меня так вытянул... в метафизическом смысле...»

Уссурийский тигр утробно урчал, мученически разлегшись на пахучем бетонном дне своего всюду зарешеченного котлована.

Дрогнул драгоценным, все еще продольным хвостом петушок-павлин, вот он чуть присел, напряг крылья и... раскрылся – широко и многолазно. Ириша просунула между прутьев павлиньей клетки крошащийся шмат печени «Юбилейный букет».

Буйволица лежала на брюхе, в грязной луже, подогнув под живот ноги и свесив до самой земли черный жировой нарост на груди. Буйволица смотрела на Иришу с усталым презрением (впрочем, это выражение культивировали многие травоядные обитатели клеток, особенно ламы). Блестела на апрельском солнце мармеладина ее большого, реснитчатого носа.

Опершись на металлические перила – краска с них, кажется, облезла еще при Андропове – Ириша смотрела на буйволицу. Сквозь буйволицу. Думала о Лиле.

– Девушка... – позвали ее.

Ириша обернулась. Нахмурилась. Сейчас начнут «клеить». Внутри у нее все сжалось от нежелания что-либо объяснять. Рука потянулась к воображаемой копии геббельсовского пистолета.

К ней приближался немолодой, похожий на заводского бригадира мужичок, с испытанным лицом постаревшего деревенского красавца, одетый не только не по сезону, но кажется, что и не по эпохе – тусклая кроличья шапка-ушанка, серое драповое пальто, буро-красный с вызывающей зеленой ниткой мохеровый шарф. Тонкий, антично-правильный нос мужчины был малиновым, как у пьяниц с пожелтелых карикатур из журнала «Крокодил».

– Не знаете, где тут братья наши меньшие? – как-то не по обстоятельствам удало спросил мужичок. От него разило спиртным, он об этом знал, и сие обстоятельство сообщало его повадке классическую народную стыдливость.

– В смысле? – озадаченно спросила Ириша.

– Макаки... Бабуины эти... – мужчина сделал неопределенный скругляющий жест рукой и зачем-то добавил:

– Двадцать пять лет уже тут не был. Как на севера уехал, так всё.

– Ну... – Ириша наморщила лоб, припоминая кратчайшую тропку к обезьяннику.

– А женка говорит, сфотографируй макаку. Обещай, говорит, что макаку сфотографируешь. Ну мне это дело запросто, – в подтверждение своих слов мужичок вынул из кармана мобильный телефон из племени дорогих, дорогущих и повертел им перед собой.

– Вон, смотрите, там бегемотник. За него зайдете – будет здание с зеленым куполом. Вам туда.

– Ой, спасибо тебе! Ой, спасибо! – преувеличенно обрадовался мужичок. – А то ж пообещал Варваре Андревне, надо делать...

Что-то такое теплое, настоящее, как домашней выпечки хлеб, проступало сквозь слова северянина, словно рядом с ним невидимая Варвара Андреевна из неведомого северного Суходрищенска сейчас шла, мелко переступая полными ногами, обутыми в начищенные черные ботинки на невысоком каблуке.словно они вместе гуляли по зоопарку, она – в платочке, повязанном под подбородком, он – в своем этом свалывшемся кролике, искали дорогу в обезьянник, где потеха и умора, Петренки не поверят.

«Ну вот... Даже у этого есть пара... А у меня – у меня нет», – всхлипнула Ириша и ее едва не разорвало изнутри от чувства жалости к себе.

– Как тебя зовут-то? – спросил на прощанье мужик.

– Лена, – зачем-то соврала Ириша.

Ну то есть понятно зачем соврала. Ей не нравилось ее имя – резкое, короткое, внутри которого благодаря какому-то гнусному парадоксу размерности помещались и ИРА – айэрэй, Ирландская Республиканская Армия – и мусульманский страдалец Ирак, и детсадовское дразнительное «ира-пира-в-жоппе-дыра». А вот «и радость», которая там могла бы помещаться, в смысле «и-ра-дость», была ободрана до этого самого «и-ра», «ира». Нету радости. И ра. Шальная пуля всю радость оборвала. Шальная Лиля.

Мужичок ушел. Ириша осталась стоять напротив равнодушно жующей буйволицы. Та, казалось, все поняла и злорадствует.

Гарри был астролог. А заодно – Иришин одноклассник. С окончания школы прошло четырнадцать лет, и все эти годы они более-менее дружили.

Благодаря Гаррику Ириша неплохо знала куцый астрологический бомонд родного губернского города. На Иришин профанский взгляд, астрологов и астрологинь объединяло, помимо, конечно, септенера планет, лишь одно – у них были редкие имена.

Жену Гарри звали Малгожата.

Напарника Гарри по астрологической консультации – Сократ (он был сыном греков-коммунистов, удравших в СССР при «черных полковниках»; те нарекли новорожденного в честь дедушки-рыбака, оставшегося тужить в местечке Агиос Николаос). Учителя Гарри, местного патриарха, звали Маркс Иванович. Именно «Маркс», в честь того самого, что в соавторстве с

приятелем Фредди писал о европейских похождениях призрака коммунизма. Из разговоров с Гарри Ириша знала: где-то в эpsilon-окрестности Гарика имеют место также Делия Ставровна, некто Фелициан и молодое астрологическое дарование Чарик (впрочем, в том, что последнее является именем, а не прозвищем, Ириша уверена не была).

Обычно Ириша заходила к Гарику просто так – попить чайку в обеденный перерыв, посплетничать, благо астрологическая консультация, где он работал, располагалась в самом центре, в пятнадцати минутах от богатой, цветметом торгующей конторы, где служила бухгалтером Ириша. Но случалось, заходила и с корыстной целью – поплакаться в жилетку. Гороскопа (Ириша уже знала, что «гороскоп» говорят только профаны, а люди культурные говорят «натальная карта» или «натал») Ириша никогда у Гарика не заказывала. Впрочем, Гарик все равно построил его, еще будучи слушателем Высшей Астрологической Школы. Отчасти на нем, Иришином гороскопе, он упражнялся в своем космическом человековедении (даже написал работу «Взаимоотношение Лилит с Черной луной на материале гороскопа женщины со склонностью к перверзиям»), и это, как он считал, давало ему основания утверждать, что он видит Иришу насквозь.

«Я знаю все твои трещинки, о-у-у!» – пел Гарик Ирише на Земфирин мотив. Ириша делала вид, что сердится.

– Ну-с, барышня, как дела? – Гарри придвинул к Ирише плетеное кресло, в которое та с облегчением сгрузила свой упругий задок.

– Еще не родила, – пробурчала Ириша. – Кофе нальешь?

– Почему бы нет. У меня есть... – Гарик со значением посмотрел на часы, – пятнадцать минут. Если клиентка опоздает, то двадцать или больше. И все же, как дела?

– Ху*во.

– Сейчас Раиса тебе кофе набодяжит... Кстати, насчет этого слова, – в отличие от большинства Иришиных знакомых, Гарри почти не употреблял мутгершпрахе. Вероятно, из каких-то особых оккультных соображений. Однако шибко любил о ней порассуждать. – У меня есть один клиент постоянный. Писатель, детективщик. Вчера звонил, жаловался на ужасы цензуры.

– Что за ужасы?

– Вот, говорит, получил из московского издательства редактуру своего нового романа. Так там на триста страниц всего одна правка. Ровно одна. Но какая! Представь, у мужика бандиты убили всю семью – жену, детей и даже бабушку. Отомстили, значит. Друг этому мужику звонит и спрашивает: «Как дела?» А мужик отвечает – «Ху*во!» Ну как ты только что. А в издательстве это слово заменили на «фигово». Можешь себе представить? Мужик, у которого убили всю семью, отвечает: «фигово». Еще бы на «фиговенько» заменили!

Ириша, хоть была не в духе, все же сумела улыбнуться Гарику. Улыбка вышла кривой, вполрта. Меж тем, Гарику только того и надо было.

– А теперь я жду подробностей... – Гарик отвалился на спинку своего кресла, сложил пальцы замком и сделал бесстрастно-возвышенное лицо практикующего астролога.

– Гарик, Лиля ушла...

– Это я знаю. Ты еще в декабре, кажется, говорила.

– Понимаешь, тогда я думала, что она не навсегда ушла. А теперь думаю – навсегда.

Гарик был в курсе насчет Ириши и Лили. Он относился к Иришиным пристрастиям толерантно, хотя временами, на правах старого друга, позволял себе потрепанные каламбуры вроде «лесбиянство хуже пьянства».

– Ну и?

– И мне очень больно... – Ириша положила на стол руки, уронила на них голову и зарыдала так сладостно, словно с самого утра готовилась к этим освобождающим мгновениям.

Гарик не стал ее утешать. (Ириша помнила, он говорил, что у него в кабинете часто плачут клиентки, и даже, случается, клиенты.) Только подтолкнул к ее локтю коробочку однора-

зовых салфеток и вновь уселся на свое место – кожаное «директорское» кресло с высоким подголовником, выбранное явно с фэн-шуйным умыслом символически подавлять визитера. Сквозь собственные всхлипывания Ириша слышала: о стенки кофейной чашки Гарика с фарфоровым звоном колотит крохотная кофейная ложка.

– Как ты считаешь, я могу тебе помочь? – спросил Гарик, переждав первый ураганный натиск рыданий.

– Может быть, – прогундосила Ириша, опорожня свой свекольный нос в шелковистую салфетку, она появилась из коробочки с той же упругой элегантностью, с какой алый платок покидает цилиндр фокусника.

– Чем?

– Ну я не знаю... Может, астрологией этой своей...

– Ты же в нее не веришь!

– Ну... как ты там говорил... Луна в соединении с Марсом... – припомнила Лиля.

– У тебя, родная, Венера в соединении с Марсом.

– Это они за извращения отвечают с точки зрения астрологии?

– С точки зрения астрологии... точнее, той астрологии, последователем которой являюсь я, поскольку их много, этих астрологий, извращений в любви нету в принципе... Есть сложные случаи и простые случаи. У тебя сложный случай. Склонность к... гхм... однополю любви не является проблемой до тех пор, пока человек сам не начинает воспринимать эту склонность как проблему. Или у тебя уже начался... этот этап?

– Н-нет... Мне это не мешает.

– Значит, нет проблемы?

– Есть! Мне надо Лилю вернуть! – Ириша вновь уронила голову на сведенные вместе кулачки и беззвучно затряслась.

– Но вернуть Лилю я не могу... Я тебе что – колдун, подколдунок? Я приворотами не занимаюсь. Это вон в ДК Милиции сходи, там одна сейчас как раз выступает... Заезжая цельтельница... Эвелина... Эсмеральда... забыл.

– Ну хотя бы эту... составь... ну эту карту... которая карта отношений. Помнишь ты рассказывал? Твой гороскоп накладывается на гороскоп партнера...

– Синастрию мы не успеем. Сейчас клиентка явится. Ну то есть я могу составить, но попозже. Но только что это тебе даст? – чувствовалось, что-либо составлять бесплатно Гарика лень.

– Даст что-то... Может, поможет ее вернуть...

– Ира, – торжественно провозгласил Гарик. – Ирина... Астрология не в силах кого-либо вернуть. Астрология может лишь рассказать, какой он – тот, кого ты собираешься вернуть. Вдруг ты и возвращать-то передумаешь?

– Я про нее все знаю... Про эту дрянь... Но все равно!

– Ира, – голосом усталого гипнотизера продолжил Гарик, – посмотри на меня и прекрати истерику.

Ириша подняла на друга красные глаза и принялась как-то очень по-детски, пальцами растирать набрякшие веки.

– Если ты не можешь вернуть Лилю, найди ей замену. Это мое последнее слово. Мало, что ли, баб в городе? Сходи в этот свой... «Винни-Милли». Познакомься с кем-нибудь. Ты же сама говорила – при капитализме не существует дефицита услуг, существует только дефицит денег! Если мы посмотрим на любовь как на услугу...

– Что за чушь ты несешь...

– Ира! – Гарри поднялся со своего кресла и подошел к Ирише, начиная сложный маневр прощания-выпрощивания.

Дверь в кабинет распахнулась, в щель просунулась лисья морда администратора консультации Раисы Георгиевны, порядочной несчастливой женщины со стандартным набором эзотерических заскоков и брошью в виде черно-белых головастика «инь-ян».

– Гарри Всеволодович, голубчик... Там пришли. Ждут.

– Ну хоть бы совет дал какой, учитель Йогурт... – с укором проворчала Ириша, наворачивая на шею длинный кашемировый шарф.

– Совет? Легко. Я же все добивался от тебя, чего тебе надо...

– Мне надо совет.

– Купи себе орхидею.

– Чего-о?

– Орхидею. Себе. Купи. Дорогую. И приходи через неделю.

– Шутишь?

– Ни секунды.

Гарик чмокнул Иришу в щечку. И улыбнулся той хитрой улыбкой, с которой двадцать лет назад подстрекал пионерку Иришеньку Вербник палить спичками тополиный пух на школьном дворе и стрелять из рогатки по прохожим с балкона своего шестого этажа.

Глухо захлопнулась дверь за Иришиной спиной.

– Сложный случай... У девушки личная трагедия... Такой взрыв эмоций... Прошу простить меня за задержку, – сказал Гарик уже новым, каким-то углубившимся и как бы разбольшившимся голосом, голосом-альфонсом, пожилой клиентке. Та, медноголовая, в перстнях и с жизнерадостно-рыжим шиньоном на затылке, жабой надувшись перед телевизором в приемной, глядела сериал про украинскую няню.

– Пей, пей, моя кисонька! Жарко... Как следует пей! – ласково приговаривала Ириша, опуская прозрачный горшок с орхидеей в таз с теплой водой. Таз стоял на дне белой акриловой ванны с блестящими оспинами форсунок джакузи. В этих форсунках, помнила Ириша, летом любят прятаться домовые пауки.

Она осторожно поставила горшок на дно таза. Вода медленно затопила бугорчатый торф в горшке. Ириша бдительно следила за тем, чтобы орхидейкины листья не опустились в воду, им это вредно, могут случиться желтые пятна, а в центре розетки и вовсе не должно оказаться ни капельки – а то ведь загнить может.

Ириша отмерила пятнадцать минут на наручных часах. Опустилась на накрытый крышкой унитаз. И, крестом сложив руки на коленях, принялась с умилением разглядывать свою прелесть.

Она была уверена: когда «кисонька» пьет, она становится не такой, как обычно. Чуть более рассеянной, даже недовольной, что ли. Такая милая!

Прошло две минуты. Ириша обеспокоенно вскочила. Опустила палец в воду – не горяча ли?

Ей вспомнилось, как полтора месяца назад она покупала кисоньку-кисулю в цветочном отделе мегамаркета «Фудлэнд», решившись-таки последовать странному совету Гарика.

– А какой температуры должна быть вода? – спросила начинающий цветовод Ириша у продавщицы. Фирменный «фудлэндский» желто-красный комбинезон и бейсболка не очень-то шли этой женщине с внешностью беспутной доярки.

Доярка отсчитывала сдачу. Ириша неуверенно прижимала к животу сверток с орхидеей – это же как с младенцами, не знаешь, как их держать, и чтобы крепко, и чтобы синяков не оставить...

– Вода? Вода должна быть такой... ну такой... – сунув в ладонь Ирише горсть скомканных сторублевок, продавщица перешла на доверительный полусшепот. – Ну такой же, какой ты, деточка... подмываешься.

– Ясно, – кивнула Ириша. По сути, это был первый намек на истину, которую ей предстояло открыть совсем скоро.

Вода в тазике была в точности такой, как надо – температуры парного молока.

Ириша вздохнула с облегчением.

Пятнадцать минут прошло, на исходе была шестнадцатая. Но Ириша не торопилась – она видела, кисуля еще не напилась. Как и Лиля до нее, орхидейка кушала медленно, жеманничая над каждым глотком.

Используя свободную минуту, Ириша принялась читать надпись на этикетке с новым удобрением. «Азот, фосфор... Калий... Не многовато ли фосфора?»

– Через недельку мы с тобой вот что попробуем... Видишь? – Ириша постучала длинным алым ногтем по зеленой бутылке с удобрением. – То-то... Диках денег, между прочим, стоит... Не нравится? Это ты зря. Надо сначала попробовать.

Ириша точно не помнила, когда именно она начала разговаривать с орхидеей. Но была уверена, что с самого начала эти беседы казались ей естественными и ничего комичного или тем более ненормального она в них не усматривала.

Это была такая приятная игра. Как бы игра. Ну то есть не игра вовсе. Ириша была уверена – ее слышат.

Поначалу, усаживаясь за работу (случалось ей сводить дебет с кредитом и дома), она ставила горшок с цветком слева от компьютера.

Потом придумала водружать его на кресло напротив рабочего стола – некогда в нем любила сживать хроническая бездельница Лиля. Вот, бывало, воскресенье. У Ириши – очередной аврал. Завтра нести в налоговую выстраданный талмуд документации. Лиля, еще в ночнушке, несмотря на поздний час, придет, усядется в это кресло, подберет под себя ноги, уронит свою красивую голову на плечо, и смотрит, смотрит своим сонно-задумчивым взглядом куда-то за окно (там пыльные электрички, стуча, уносили дачников в их убогие поместья). Словно бы вместе с Иришей считает, сверяет, сердится...

Теперь Ирише помогала кисуля.

С Лилей кисулю роднили не только капризность. Задумчивость и некая инобытийность была свойственна красоте обоих. Ириша могла часами любоваться прелестным разворотом кисулиных лепестков, в котором неким волнующим образом сочетались целомудренная стыдливость и крайняя распушенность. Оба этих качества были свойственны и Лиле, которая уверенно жонглировала ими, в зависимости от того, что в данный момент сулило ей большую выгоду. Однако, в отличие от кисули, Лиля терпеть не могла, когда Ириша ею любит.

– Прекрати пялиться... Когда ты так смотришь, ты похожа на какую-то сумасшедшую извращенку... – шипела она гневливо.

Как видно, в глубоком колодце Иришиного чувства Лиле не звезды мерещились, но бездны.

Как и Лиля, кисуля ненавидела сквозняки. Требуя, чтобы Ириша закрыла фрамугу, Лиля жаловалась на все существующие болезни разом – и на какое-то наследственное заболевание почек, и на слабый иммунитет, мол, грипп всюду, вирусы, а летом, помнила Ириша, Лиле не давали покоя лютые комары. При Лиле Ириша не открывала окон. В Иришиной квартире всегда было влажно и душно. Когда Лиля пропала, Ириша продолжала истово соблюдать Лилины запреты («ведь вернется!»). В день, когда она принесла свой фаленопсис «Джамбо де Превиль» (так звали кисулю «по документам») и установила его на подоконник, на градуснике было тридцать два. Однако кисуле понравились все тридцать два и Ириша почувствовала: так правильно.

В повадках кисули обнаружилось так много родного...

Например, она обожала музыку.

Кисуля требовала, чтобы Ириша закрывала на ночь шторы (Лиля – та не одобряла занятий любовью при свете).

Кисуля жгуче ненавидела общество куцей драцены и никогда не цветшего кактуса (других растений у Ириши не было). Лиля же презирала общество Иришиных родственников, коллег и друзей. Ирише пришлось убрать впавшие в немилость растения на кухонный подоконник и раздружиться с кое-какими приятелями. Впрочем, и то, и другое она сделала без сожаления.

Когда же все требования бывали соблюдены, кисуля, как и некогда Лиля, как-то по-особенному полно умиротворялась. Не глядела букой, не язвила и не ныла. Но расправляла лепестки и начинала источать оргиастический нектар Абсолютно Счастливого Существа...

Кстати о друзьях и обществе. Гости бывали у Ириши нечасто, но мало кто из визитёров удерживался от того, чтобы тайком хихикнуть в кулачок, завидев разодетую кисулю на широкой кружевной салфетке... Некогда Ириша ловила сдавленные смешки и скабрзные взгляды, представляя Лилю приятелям «из нормальной жизни».

– А это Лиля, моя подруга. Ей негде жить, поэтому сейчас она живет у меня.

«Знаем мы таких подруг...» – снисходительно улыбались гости.

Но, как когда-то и с Лилей, Ирише было нисколько не стыдно.

Однажды Ириша наконец-то решила сформулировать свое открытие, свою истину: орхидеи – это как бы отчасти женщины. И обращаться с ними следует как с женщинами...

Вскоре, когда Ириша осознала, что даже не подозревает, чем подкармливать кисулю, она накупила себе иллюстрированных книг по домашнему разведению орхидей. Принялась читать. И что же? По некоторым смутным намекам – где интонация, а где вычурный двусмысленный оборот – она с удивлением, переходящим в восторг, обнаружила: авторы тех книг тоже ее истину знали! «Орхидея странно воздействует на цветоводов-любителей... Сумасшедшие коллекционеры доводили себя до разорения, чтобы утолить свою страсть и завладеть редким растением, которое с трудом цвело даже в самых роскошных оранжереях викторианской эпохи...» – писали в «Большой энциклопедии комнатных растений» на странице триста семьдесят четвертой.

«Выходит, я всего лишь променяла одну женщину на другую. Оно, конечно, вышло бы смешнее, если бы я променяла Лилию на Розу, но и так, в общем, символично», – размышляла Ириша, покачиваясь в медленном гамаке на границе сна и полусна. Под окном искрилась электрическая колбаса полуночной электрички. В полуметре от ее кривой, на рогалик похожей ортопедической подушки, потакал теплым кондиционерным ветрам и сполохам сине-зеленой весенней ночи, степенно покачивая крыльями цветков-бабочек, длинный, буро-зеленый стебель фаленопсиса вида «Джамбо де Превиль».

Каждый раз проходя мимо безликого серого здания, где располагалась астрологическая консультация Гарика, Ириша ощущала себя как будто виноватой. Обещала зайти через неделю, а ведь таких недель пролетело уже восемь... Перед ее мысленным взором вставало бледное, с лошадиной челюстью лицо Гарика. Выражение его глаз было как обычно выжидательным. «Ну что там у вас, барышня?» – будто спрашивал он, отмахиваясь от сигаретного дыма.

Нет, обиды на Гарика Ириша не затаила. И не тяготили ее чудные астрологические разговоры. И даже тот, повышенной концентрации раствор сумасшедших, в котором приходилось добывать себе пищу акуле-Гарику, ее, нежнокожую, не раздражал, скорее уж забавлял и наводил на полезные размышленья. В конце концов дотошные прохвосты из торговой фирмы, где она работала, были такими же психами, разве что галлюцинации видели чуточку другие, где у первых ректификация и ундецили, у вторых – счета-фактуры и «черный аудит».

Причина охлаждения была другой: Ирише стыдно было признаться Гарику, даже ему, что его орхидейный совет, такой простой, первобытной симпатической магией отдающий, ока-

зался тем самым решением, нет, не так – Решением той самой Задачи, что доводила Иришу до иступления с самой зимы.

Как-то это унижало человеческую природу, что ли...

Ведь Ириша привыкла думать, что душа – это кружевные потемки, что она – структура, такая живая машина, в сотни раз более сложная, чем всякий компьютер или японский робот. И если в этой машине что-то ломается, чинить ее, подкручивать ее разболтавшиеся винты своей божественной отверткой должен Господь Бог лично. А тут – купила цветок, принялась лелеять его и... всё наладилось, затянулись гноящиеся раны, рассеялась, как злое наважденье, боль.

Ей было стыдно перед Гариком, что ее боль оказалась такой, что ли, обиходной. Той болью, которую снять можно одной таблеткой анальгина. А ведь она думала – метастазы, умереть от нее...

Как-то, рассуждая так – о Гарике и боли – Ириша прошла мимо афишной тумбы, цепью пристегнутой к кованой ограде клуба «Винни-Милли». На тумбе – объявление: вечеринка for girls only. Юбилейная, с розыгрышем ценных призов и бесплатным мартини для обладателей клубных карт.

К слову, о том, что же за диво такое – это Винни-Милли, в честь которого назван единственный в городе лесби-клуб – Ириша ломала голову не один год, но так ничего толком и не выяснила. Ответа не знала даже мужеподобная любовница хозяйки с рыжим ежиком волос, девушка-буч по имени Маша, твердой рукою правившая заведением.

По четным дням Ириша прозревала некое смутное сходство этого загадочного Винни-Милли с Вимм Биль Даном, придурковатым ушастым зверем с картонных упаковок сока, и с душкой Винни Пухом из советского мультлика. Возможно, у кого-то из них был сын, возможно, это даже их совместный сын – Винни Пуха и Вимм Биль Дана – они его усыновили, как голландская гей-семья... По нечетным же Ириша была уверена, что слово это ничего не значит и является примером коммерческой глоссологии, та же история, что с названиями моделей импортных автомобилей. Что значит «Авензис»? А «Королла»? Что такое «Авео» или, допустим, «Импреза»? Да ничего. Обериу. Бабубы. Агу-агу. Фрагменты речи городских эльфов, а может, имена божков продвижения и реализации? Кстати, у входа в «Винни-Милли» стояли две изящные из алебаstra фигуры крылатых женщин с фригидными лицами – чем не эльфини-богини?

Днем «Винни-Милли» прикидывался обычным дорогим рестораном – там подавали бизнес-ланчи и сложные блюда, надерганные из европейских кулинарных книг, там, в укромной полутьме, алчноглазые секретарши гладили носками туфель обрюзгшие икры своих боссов... Но каждую вторую и четвертую пятницы месяца в «Винни-Милли» объявлялся, как в бане, «женский день». Точнее, вечер.

Чмокнув приунывшую кисулю («Ну я и так уже никуда не хожу, как монахиня стала!» – виновато пролепетала Ириша), она на цыпочках выскользнула из квартиры.

В «Винни-Милли» было, как обычно, накурено.

Ириша давно заметила: женщины, попадающие в заведение «для лесбиянок», стараются казаться более brutальными, чем они есть на самом деле. Курят вдвое от обычного, ругаются матом, многие специально надевают темные очки и серьги в форме черепов, если пьют – так всенепременно залпом. Защитная реакция на отсутствующего агрессора...

Настоящих лесбиянок (сколь бы обязывающе ни звучало это словосочетание!) на «женских днях» бывало немного. Основную же часть посетителей составляли случайные гости, настоящие звали их «лохушки» – таких легко было распознать по цепкому взгляду, со стыдливой деловитостью шарящему по лицам, сцене, интерьеру. Нужно всё-всё-всё запомнить, чтобы

потом рассказать подруге, а лучше любовнику, в каком гнездилище разврата я, ну чистая правнучка Мессалины, побывала. «Эти лесбочки они, знаешь, таки-и-е...»

После визита в «Винни-Милли» в жизни лохушки, безупречной матери и жены, начался обычно претенциозный спектакль под названием «В этом что-то есть». Покупались мемуары Марлен Дитрих (а к ним в комплект обязательно брючный костюм), два старых номера журнала «Pinx», духи с феромонами, самые смелые – те приобретали даже фаллопротез на кожаных трусах! До близости с женщиной дело редко у кого доходило. Но и без того дамы чувствовали себя отменно приобщенными к терпкой сладости сапфического порока. А их мужчины, ценя всякий срам, и этот, конечно, тоже, наконец-то начинали любить их с приемлемой интенсивностью.

Ириша быстро наострилась отличать случайных девушек от неслучайных.

Неслучайные, те, с которыми у нее «могло что-то быть» (эту формулу Ириша ненавидела, но употребляла, ненавидя), выглядели обычно неброско. Никаких стразииков, шпилечек-стилетов, кудряшечек, никакой лолитности, фатальности, модельности и особенно же топ-модельности. Эти самые модели – ленивые и до крайности развращенные зверушки с набрякшими от рестилайна губами и отвердевшим силиконом грудей – могли еще по какой-то своеобразной отзывчивой инерции плоти позволить себе отдаться женщине в стиле «пассив» («прикинь, такой обалденный экспириенс!»), но вот уже к любви – как к игре и поединку – были абсолютно неспособны, ибо по какой-то странной иронии мироздания эталонные тела в эпоху Галкина-Пугачевой комплектовались в основном рахитичными, незрелыми душами.

– Иришка? Привет, моя сладенькая! – за столик к Ирише подседа Жизель (имя было паспортным, «ей бы к астрологам!» – думалось Ирише). Жизель была настоящей. Ей фатально не везло с партнершами, но джип «Лексус» и особняк, доставшиеся ей после развода от мужа-бизнесмена, вроде бы компенсировали это досадное обстоятельство. – Я уже думала ты это... покинула наши нежные ряды! Давно тебя тут не видно.

– Работала... В командировки ездила.

– И что там? В командировках? – поинтересовалась Жизель, размешивая трубочкой бесplatный martini. Она, конечно, имела в виду клубное движение, поскольку полагала клубы высшей формой организации человеческого социума.

– Да так как-то...

Зависать с Жизелью Ирише не хотелось и она отвечала той с притворной вялостью. Быстро заскучав с «бухгалтершей», Жизель упорхнула на танцпол, тем более, что на сцене объявили викторину с розыгрышем туалетной воды Alexander McQueen Kingdom.

Ириша заказала себе безалкогольного «Варштайнера» – с некоторых пор алкоголь стал ей противен.

– Ты что, на пиво перешла? – поинтересовалась Люся.

Люся говорила, смешно причмокивая в конце каждой фразы. Она заняла место Жизели, наглядно подтверждая тезис, известный каждому завсегдатаю питейных заведений: не обязательно к кому-либо подходить, достаточно сидеть на одном месте – и тусовка явится к тебе сама.

– Да чего-то захотелось...

– Поправиться не боишься?

– Не боюсь. У меня сейчас...

– ...Много секса? – торопливо предположила Люся. После слова «секс» она причмокнула особенно сочно.

– Ну... вроде того.

– Завидую тебе. Честное слово! А то к кому ни подойду, эта про батарейки для фаллоимитатора, та лирикой увлеклась, стихами...

– А что плохого в стихах? – спросила Ириша.

Люся рассеянно пожала плечами. Несмотря на ранний час, Люся была пьяна в хлам.

– А у тебя как?

– Да вот... Сама видишь... – Люся приподняла конус бокала, наполненный малоаппетитной синей жидкостью, и продемонстрировала его Ирише.

– Тебе же, вроде, нельзя?

– Нельзя-нельзя, а можно... И вообще, чем больше выпьет комсомолец, тем меньше выпьет хулиган!

Когда-то, много лет назад, с пухленькой, напроць лишенной острых углов Люсей у Ириши был короткий роман. Напились на дне рождения у подруги и... в общем... Ириша почти ничего не помнила из той ночи, за исключением разве возбужденного рассказа пышечки-Люси о языковом вибраторе, рекламу которого она видела в западном журнале для дайкс. Мол, он с ремешками, ремешки крепятся на уши, язык вибрирует, кайф немеряный... На гаджетах у Люси была задвижка. Что, впрочем, неудивительно для менеджера в супермаркете электроники.

– О чем секретничаем, сестрички?

Приобняв обеих за плечи, за столик к Люсе и Ирише под села Аделаида Генриховна, Адочка, самая авторитетная девушка тусовки. (Впрочем, девушке Аде было хорошо за сорок.)

Аделаида Генриховна, живая брюнетка с длинным, как у Лайзы Минелли носом и до блеска отполированной в клинике пластической хирургии кожей, вела передачу «Ее величество женщина» на местном телевидении и работала в университете. Занималась проблемами гендера. Она много раз пыталась объяснить Ирише, что такое этот «гендер» и как он связан с отношениями между женщинами, но Ириша так и не смогла войти в разумение. Впрочем, она не слишком комплексовала. Возьмись она втолковать Адочке, что такое безотзывный подтвержденный аккредитив или как считают леверидж, та тоже скорее всего не поняла бы.

Аделаида Генриховна была мамой и папой местного феминистского движения. Когда-то, на заре перестройки, она училась в аспирантуре МГУ, на философском факультете – жила весело, блудно и книжно. Вместе с первой трихомонадой она переняла от однокашника страсть к новомодным софистам Деррида и Лакану. И понеслось...

– У нас, кстати, будет на неделе интересный семинар! «Феминность в ситуации безальтернативности!» – громко произнесла Аделаида Генриховна, сияясь перекричать музыку – диджей, единственный мужчина в этом царстве амазонок, зачем-то выкрутил звук на максимум. Впрочем, перекричать писклявых «Татушек» Адочке удалось без труда, благо глотка у нее была луженая – все же десятилетия доцентской работы. – Очень интересный докладчик приезжает! Бриджит Ли Вудс, из Университета Небраски в Линкольне! Будет интересно! Потом чаек, шампанское!

– Спасибо за приглашение! Если с работы вырвусь...

– Будем ждать, Иришенька! Может вы еще и статью нам напишете, что-нибудь вроде «Женщина и экономика глазами рядового бухгалтера»? Для нашего вестника? Нам умные девочки нужны! – и Адочка зазывно улыбнулась.

Ириша, рядовой бухгалтер с красным дипломом экономфака, уже бывала на этих гендерно-феминистских посиделках и увиденным была несколько обескуражена. Тамошняя атмосфера своею подчеркнутой предупредительностью и чрезмерной, экзальтированной доброжелательностью напоминала сектантскую. Что-то похожее, знала Ириша, культивируют на своих сборищах мормоны и дианетики. Участницы семинара называли друг друга «сестрами», общались без отчеств, без чинов и всё так скользко, приторно. «Настоящих» девушек среди феминисток, по-видимому, не было ни одной, только пугливые, злоязыкие лохушки, что было тем более обидно, ведь Ириша явилась туда с тайной надеждой внести струю учености и духовности в свою избыточно физиологичную личную жизнь (это было до Лили)... И ладно бы всё это! Какой-то смутный, но всё же различимый цээршный душок исходил от сестриц из вискон-

синских колледжей и кураторов программ из дакотских университетов, деньги каких-то загадочных фондов падали на чьи-то счета – до натренированного слуха Ириши то и дело долетали шепотные обрывки чужих разговоров – какие-то проекты «замораживались», какие-то «недофинансировались», гранты туда, гранты сюда, знакомое коммерческое копошенье... Тьфу!

А дочка ушла. К Ирише наклонилась стеклянноглазая Люся, которая, пока Аделаида Генриховна рекламировала свои посиделки, умудрилась досуха вылизать свой вязкий синий напиток.

– Не знаю, что они в ней все находят... Я бы с ней ни в жисть не стала трахаться... – шепотом вдвуха она в ухо Ирише и как-то очень неприлично хохотнула.

Ириша закивала. Она бы тоже не стала. Наверное. Хотя Люся права, с Адой Генриховной была близка добрая половина Иришиных знакомых. Впрочем, в их тесном кругу, как и во всяком тесном кругу, обмен партнершами был неизбежен как близкородственные браки у племян новогвинейских нагорий... «Все лесбиянки спят под одним одеялом», – любил долдонить Гарик.

Тем временем динамики застонали Дианой Арбениной.

Певицу эту, как и «Ночных Снайперов», Ириша не слишком жаловала, хотя казалось бы. Не то чтобы ей претила сама музыка. Скорее ей претило всё очевидное. Ведь очевидные решения унижали ее развитое чувство уникального! Она презирала одиноких мужчин, водящих домой потаскушек, не потому, что была против разврата. Но потому, что такое поведение было очевидным и логичным, как похмелье после бутылки вина. И это бесило Иришу, как бесила Арбенина. «Если лесбиянка – значит любит „Ночных снайперов“ и Земфиру, это же понятно!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.